

Не нужный узор

Liar__Sieru

Влад — типичное имя неудачника, что просто хочет стать чемпионом.

Эта история рассказывает о парне, который становится пустотой для других людей, пытаясь найти своё счастье.

Неприятные ситуации преследуют его, и даже конкуренты не признают стараний и усердность молодого спортсмена.

Эта история о мальчике, что познал горе и ненависть, но в тоже время смог доказать, что он может многое.

ГЛАВА I: КОГДА ДОБИЛСЯ ВСЕГО...

Скажите, у вас было такое чувство, когда ты стоишь перед самым входом на паркет, когда тебя окружают твои конкуренты, ловишь на себе множество укоризненных и злых взглядов, что стаптывают твою личность с говном и делают тебя «низким». Твои внутренности сжимаются, создавая лёгкую боль в груди, и твоя рука непроизвольно сдавливает руку девушки, которая стоит рядом с тобой. Дыхание учащается, глаза начинают гореть, и холодный пот скатывается по твоему виску, а сам находишься, словно в эйфории, перемешанной со страхом. Все звуки: музыка, разговоры, крики, аплодисменты приглушаются, сливаясь в одну какофонию, что начинает резать слух. Ты не в силах различить ни слова своей партнёрши, что пытается успокоить твой затуманенный разум, ни тренера, который пытается донести какую-то информацию.

Но вот, всё стихает, музыка перестаёт играть, звучит торжественный голос диктора, который произносит номер твоего захода, и неприятные ощущения забираются каплей пота, которая только что упала с твоего лба. Ты чувствуешь прилив сил, лёгкое воодушевление, уже не сжимаешь руку девушки в бальном платье, а её голос становится разборчивым и таким же мягким, каким и был раньше.

Ты выходишь на хорошо освещённый паркет, все звуки вокруг тебя затихают, создавая томную тишину ожидания, стук ваших сердец доносится до ушей, он постепенно начинает ускоряться и синхронизируется с твоим дыханием и твоей партнёрши.

И вот, включается музыка.

Она заполняет твои уши, вызывая некий трепет, что так давно не вырывался наружу. И мозг отключается; ты видишь, слышишь, осознаёшь, но твоё тело, подхваченное звуками вокруг, несётся вперёд. Мышцы на руках и ногах начинают неметь, ведь за твоими плечами уже двадцать пять танцев, а ты в полуфинале.

И вновь музыка начинает стихать, голос диктора разрывает пустоту, что создалась из-за отсутствия мелодии. Бешеное биение сердца отдаёт тебе в виски и кажется, что тело вот-вот отключится от усталости. Прикладывая все свои усилия для того, чтобы казаться не уставшим, покидаешь паркет под слабые аплодисменты зрителей. *Ты их не впечатлил.*

Твою руку хватает тренер и тащит за собой в самый дальний угол, фрак давит на тебя и лежит тяжёлым грузом на плечах. Хочется его снять.

— Что это блядь было?! — лицо коуча грозитя убить тебя. Ты читаешь это по его сжатым бровям, между которыми образуются складки, и глазам, что наполнены кровью. — Где музыка?! Что это?! Какого хрена ты там отходил?! — его взгляд бегаёт по твоему лицу, пытаешься что-то найти. Ты не знаешь, что ответить, оправдания — не нужны. Губы тренера начинают дрожать, словно говоря: «Ты дальше не пройдёшь!» Его взгляд переходит на рядом стоящую девушку. — А ты, какого чёрта, там делала? Почему он тебя носил на паркете?

— Я-я... — глаза партнёрши наливаются слезами, горесть и обида захлёстывают с головой, но не на тренера, а на того, кто в этом повинен — на себя. Только она сама, сама виновата в этом, сама... Все те разы, когда ты предлагал позаниматься в зале ещё чуть-чуть, сейчас сыграли с ней большую шутку.

И вот, слова, которые тебе не хотелось бы слышать, срываются с уст преподавателя:

— Ждите результаты, но я сомневаюсь, что вы пройдёте дальше...

Да, это я — самый никудышный танцор в этом мире, по своему мнению, конечно же. В

свои девятнадцать с хвостиком лет ничего не добился в этой жизни. Влад, что когда-то твердил, будто танцы — это его жизнь, сейчас стоит и сомневается в сказанных семь лет тому назад словах.

Безнадёга. Это слово описывает буквально всю мою жизнь. В ней было много провалов, но очень мало взлётов. И сейчас я буквально взбираюсь на отвесную скалу, с которой вот-вот сорвусь. У меня нет страховки, ведь она закончилась неделю назад, и если что-то случится — моя жизнь может стать невыгодной.

Чемпион России... Сколько много попыток было?.. Чего я хотел этим добиться?.. Зачем? Зачем? *Зачем?* С каждой попыткой этот вопрос звучал всё громче, громче, и громче... Пока не стал бурей, которая ломала меня изнутри. Она давила на мозг, пыталась сломать, изничтожить, убить, разрушить. Заставить упасть...

И только два человека были способны прогнать её. Как иронично, что один из них — мой враг. Хоть он и сорвался после шестнадцати метров. Я должен быть наверху, хотя бы ради него, ради его тренера, ради матери...

Но как так получилось? Как я пришёл к таким выводам? Как вообще пришёл сюда и забрался так высоко? Эти вопросы до сих пор будоражат мой мозг, вызывая лёгкий привкус тошноты и эффект гусиной кожи на спине. Мой мозг погружается в пучину тайн, в которых я вижу многое...

Последняя смена партнёрши, что произошла примерно полгода назад. В тот день я наконец нашёл нечто новое в своей жизни, словно, та девочка, которая стоит рядом, открыла во мне какую-то дверцу, которая была закрыта на огромный медный засов. Но это не то...

Первое разбитое сердце... Я даже вспоминать не хочу. Было больно осознать это.

Его улыбка...

— Влад. — Голос немного был похож на звон колокольчиков, что играли в катакомбах. — Влад! — Крик вытащил меня из воспоминаний. Это была Алина.

— Прости, я задумался.

— Мы прошли! Прощи! — я не мог поверить в эти слова. «Нет! Это не правда!» — хотелось крикнуть в ответ, чтобы она прекратила свои шутки.

Мой разум стёр все воспоминания о том, как я добрался до экрана, который находился на другом конце зала; отдышка отсутствовала, большое спасибо за это Кате, не зря она зверствовала надо мной. Но взгляд всё равно истерически носился по всему экрану, пытаюсь опознать ложь, которую мне сказала партнёрша.

29. Вс. Взрослые

135|1|1|1|1|1

156|1|1|1|1|1

157|1|1|1|1|1

172|1|1|1|1|1

179|1|1|1|1|1

190|1|1|1|1|1

172|1|1|1|1|1

172!

Я прошёл?

Я прошёл!

Прошёл!

Я!

Мам!

Мама!

Мамуль!

Я смог...

Мамуль.

Мам.

Ты не зря,

Мам.

Мам. Я это сделал,
как обещал. Мама...

Прости

Мамуля...

Я сделал.

Я доказал...Но, кому?

Мам,

Жаль,

что ты это не видишь.

172 — номер, с которого всё началось. 172 — номер, на котором всё закончилось... 172

— номер, что я возненавидел стал счастливым билетом.

Один человек. В этом виноват только один — единственный — самый близкий. Ах... была бы возможность, сказал бы все самые лестные эпитеты, которые, возможно, будут лишние кроме одного. Ты через чур гордый.

Андрей, Влад, Самир, Кирилл, Илья, Максим, Андрей, Катя, Карина, Дарья, Лиза...

Это не все люди, которые держали меня на плаву. И ты, читатель, один из них, хоть я и не знаю твоего имени, но, поверь, оно бы стояло на самом первом месте в маленьком списке у меня в голове.

— Ну всё? Убедился? — немного повысила голос Алина. Я заковал её в своих объятиях, прижал к себе и не хотел отпускать. — Тише, тише. Отпусти меня, иначе платье запачкаешь.

— Насрать, продолжение турнира в субботу. Постираем. Тем более оно же тебе не нравится.

— Ну это раньше... — начала отнекиваться девушка, но я её не слушал. Так прошло минуты три, множество людей проходили и обращали на нас внимание, некоторые были недовольны таким зрелищем, но мне было всё равно на это. — Всё, давай успокаиваться. А-то укушу. Собирайся домой. — Так хотелось начать сопротивляться, но, — И без всяких но! Нам ещё в магазин зайти. Забыл что-ли?

— Стоп, а зачем?

— Господи, говорила мне мама, что партнёр мой идиот, — пробубнила она, — молоко тебе в кофе закончилось.

«Как это могло вылететь из моей головы?» — пронеслись мысли. Этот вопрос и состояние, в которое я провалился был странным для некоторых, ведь заданная дилемма перебила все те переживания, которые произошли буквально пару минут назад, полностью заблокировав моё зрение. Я был в полной темноте, полностью выпав из мира. На меня накатила паника, ведь каждый звук исказился, создавая странную белиберду, которую я будто мог перевести. Но такое часто происходило в моей голове, по этому мозг начал намного быстрее выходить из страшного для меня состояния.

Мой мозг, наконец, начал функционировать нормально. Перед глазами появилось обеспокоенное лицо моей партнёрши.

— Опять? — спросила она, заглядывая своими ламинариевыми, аккуратными глазками, что были выведены тёмной подводкой.

— Опять. — я пытался сделать свой голос чуть более бодрым, но, как обычно, это не получилось. Оглядевшись, я заметил сидящим себя на полу, не в силах пошевелить ни одной мышцей. «Это из-за бега, или из-за турнира? Может из-за «припадка»?», — пронеслось у меня в голове. Отбросив такие мысли, я вновь заглянул в лицо Алины. — Пойдём переодеться и заглянем в магазинчик.

— А зачем? — взгляд был направлен уже в сторону раздевалки.

— Купим что-нибудь, например, те серёжки, которые ты хотела. Или подвеску в виде лезв...

— Никаких подвесок в виде лезвия! — воскликнула Алина, злость читалась по напрягшимся мышцам на шеи.

— Хорошо, никаких лезвий, — согласился с ней я, наконец, найдя в себе силы, подняться с колен, хоть и не без помощи самой лучшей партнёрши, после Наташи, разумеется. — Максимум БДСМ цепи, зубы диких зверей, или можно купить какуюнибудь Абварожительную портупею, — я специально искажил слово, при этом акцентировав на этом внимание. Хохот раздался сначала у неё, он был таким звонким и бархатистым, словно я мог коснуться его.

— Только её тебе и не хватало. — Вскоре он заразил и меня, и мы смеялись с ней до самых коликов в животе и выступивших слёз. Слёз...

ГЛАВА II: ЧТО Я ТАКОЕ?.

«*Наш спорт слишком сложный, ведь он невероятно прост.*» — эти слова сказал мне один очень известный танцор. Я всегда считал, что это бред, но как же я ошибался.

Горячие капли касались тела. Никто был не нужен, только я и музыка, что вливалась в мои уши через наушники. «Почему я выбрал именно эту мелодию?». — пронеслось у меня в голове, но было поздно, ведь она овладела моим сознанием, не позволяя её сменить. Протянув руку вперёд, я начал переводить редкие слова, которые я опознавал, получалось что-то типа: «Ты сломал меня, хоть я тебе и доверяла...»

Как там говорилось? «Скажи какую музыку ты слушаешь, и я скажу кто ты». Или эта поговорка звучала как-то по-другому?

Мои мысли потоком стали проноситься в голове, мозг вскоре начал болеть, отдавая сильными ударами в виски. Эти мысли были очень странными, они были мне неприятны, но будоражили каждую клеточку моего тела. Они были обо всём: о жизни и смерти, о завтраке, о любви, о танцах; какие-то звучали громче, какие-то тише. Со временем это начало создавать некую пустоту в сердце, не позволяющую стоять на ногах. Неожиданно прозвучал такой вопрос: «Если я прошёл в финал, почему я не встану на первое место?»

Протянув руку вперёд, я начал переводить кран в левое положение. Температура нарастала, сильнее обжигая кожу. Коснувшись ног, мои пальцы начали подниматься выше по телу, создавая лёгкие волны мурашек. Закрыв глаза, я отдался своим чувствам — удары горячих капель душа по моей спине, собственные прикосновения, имитирующие касания любимого человека, ком в горле, постепенно поднимающийся по гортани. Со временем руки поднимались выше; теперь они были на уровне бёдер, прикасаясь к следам от смычка, что не так давно носился по этому месту. Кончики пальцев касались каждой волосинки, каждого миллиметра, поднимаясь выше по телу. Поднявшись выше, они начали кататься живота, мять его, зажимать в местах скопления жира, который давно существует — уже привык к нему. Вскоре руки наткнулись на рёбра, что выпирали из тела и, казалось, будто я тощий, но это была не правда. В последние месяцы я поднабрал в весе, не задумываясь о нём. Отсюда и жир. Пальцы скользили всё выше и выше, и, наткнувшись на соски, остановились. Больная, но в тоже время самая запоминающаяся часть тела. Так много плохих, но одновременно хороших воспоминаний. Слезы начали душить меня, поднимая ком в горле ещё выше, не позволяя даже вздохнуть. Ключицы. Помню, как моя бывшая партнёрша постоянно говорила, что они красивые, и как её восторг ими. Шея. Слезы нахлынули, вспомнились все её мимолётные улыбки, шутки и приятные издевательства. Она всегда так мило смеялась и злилась, когда видела потемнения на ней. Так хотелось услышать этот смех ещё раз, послушать счастливые нотки, чтобы они заглушили ту музыку, которая царила у меня в ушах.

Обхватив горло двумя руками, я сжал его, не позволяя себе даже сглотнуть слюну или вздохнуть. Но то, что так хотелось, наконец, появилось. Лёгкий смешок, позже и сам смех, который мне так нравился.

— Почему он там так долго? — спросила Алина.

— Это всегда так. Он в принципе долго моется.

— Жаль, что так с ним получилось, — перевела тему партнёрша, походя к кухонному гарнитуру и беря в руки чайник.

— Да-а-а, — протянул собеседник, — сам виноват. Я просто рядом был. Пронесло тогда... Но кто знает... Ну-у, ладненько, я спать, пожалуй, пойду. Спокойной ночи.

— Спокойной. Кстати, Андрей спит? — В ответ девушка получила лишь кивок головой, означающий положительный ответ. После, подошла к кухонному гарнитуру, достала две кружки из шкафа и банку кофе. «Возьму три ложки кофе, и два — сахара», — подумала девушка. Отмерив нужное количество, она налила в кружку одну четверть кипятка, а всё остальное залила безлактозным молоком, купленным час назад. Размешав всю эту бурду и открыв холодильник, Алина поставила чашку внутрь.

«Надеюсь, я правильно всё сделала».

— Ха-ха-ха-ха. — пытался отдышаться я, отпуская руки. Странное чувство пустоты отступило от моего горла; всё-таки тело всё ещё помнит те прикосновения. Выключив воду и открыв дверцу душевой кабины, холод обдал моё тело. Миллионы мурашек пронеслись по телу. Холодный воздух, как мне тогда показалось обжигал, резал, словно, лезвием ножа кожу.

Взяв полотенце и протерев запотевшее зеркало, в нём отразилось моё тело. Оно было всё красным. Это вызвало лёгкое отвращение, не только из-за того, что я видел, но и лёгкого зуда и жжения.

«Я что, настоящий? — пронеслось у меня в голове, — Неужели я действительно имею это тело? Точно ли я — это я, вдруг мысли в моей голове это чужой голос?»

Эти мысли звенели, вызывая стыд и горький привкус во рту.

«Зачем я уродую это тело своим присутствием в нём?» — воспоминания вспыхнули во мне, будто я помню каждую минуту. Все нити во мне натянулись до предела. Сердце сжалось.

Отведя взгляд в другую сторону, мой мозг избавился от таких мыслей и ощущений. Но не знаю, надолго ли?

Закончив все дела и кое-как натянув на себя нижнее бельё, я вышел из ванной и сразу встретился взглядом со своей партнёршей:

— Да неужели. — фыркнула она, встретившись со мной глазами. Но её взгляд тут же опустился ниже, скользя по телу. — Я, конечно, не против, но ты бы хоть прикрылся. Кстати, трусы у тебя крутые. Завтра в них на турнир пойдёшь? — я взглянул на свою промежность; на мне были ярко-жёлтые боксеры с принтом весёлого перчика и красной резинкой.

— Спасибо. И да, я собираюсь идти в них на турнир. А по поводу твоего первого утверждения: а смысл? Ты меня таким уже видела. — Девушка закатила глаза, казалось, у неё в голове пронеслось: «Вот дебил».

— Я сделала тебе кофе, оно в холодильнике. Каша в кастрюле. Я буду не долго, меня погода. Хочу с тобой чаёк попить.

— Ладно.

Усевшись за стол, я разблокировал свой телефон. На экране показалась фотография, от которой каждый раз становилось душно и больно, но мои садисто-мазохистские наклонности не позволяли её удалить. Они словно говорили мне: «Ты будешь смотреть на это фото до того момента, пока другое не будет приносить больше боли». На самом деле, на экране была фотка нашего клуба после занятия с танцором из другой страны. Это по-настоящему знаменательное фото. Именно в тот день всё и произошло.

Я очнулся от лёгкого прикосновения к своему плечу.

— Что сидим, телефон гипнотизируем? — спросила девушка, отходя от меня в сторону кухонного гарнитура.

— Прости.

— Хватит извиняться, лучше скажи: когда ты уберёшь это фото?

— Какое?

Алина взяла в руки тарелку и наложила гречку. От неё всё ещё шёл пар, практически незаметный: — Которая у тебя на обоях.

— А, ты про эту. Не знаю. Мне она очень нравится. — полное враньё.

— Ешь, — приказала она и поставила передо мной тарелку, попутно открывая холодильник и доставая кружку. — Твой кофе. — я хотел было ей что-то сказать, но это что-то вылетело из моей головы. — А это мой чай... — тихо добавила она, заливая пакетик кипятком.

Сделав плоток кофе, я почувствовал неприятный горький привкус. «Две ложки кофе и три сахара». — пронеслось у меня в голове.

— Ну, как тебе кофе? — так и хотелось ответить ей, что не так, и как я обычно пью. Но она и не должна этого знать. Так что, растянув на лице мягкую улыбку, сказал:

— Как я люблю. Спасибо. — взглянув на лицо девушки, я увидел искреннюю радость. «Я не могу теперь не допить».

Так мы просидели ещё около получаса. Покончив с чаем, она оставила меня наедине со своими мыслями, половиной чашки не очень вкусного кофе и почти доеденной тарелкой каши. Допив кофе, я решил сбежать от них в спальню, но сначала открыл сумку и достал маленькую баночку с чёрной этикеткой. Взгляд сразу прочитал название, выведенное золотистой краской:

Doping Labz IBUTAMOREN 20 мг, 60 капсул

Больно было признавать, что пользуюсь этим, но ничего нельзя было поделать. Достав пару капсул и налив воду, я начал запивать их, но что-то пошло не так и они застряли в гортле, словно сами не хотели их поглощения. В этот момент меня выручила вторая кружка воды, быстро налитая самим же. «Всё, это последний раз», — сказал я сам себе, далеко не в первый раз и, спрятав банку в сумку, направился в спальню.

Зайдя в комнату, я аккуратно пробрался к другой стороне кровати, которая была не занята. Забравшись под одеяло, и, наконец, удобно устроившись, я услышал тихие посапывания. Это был мой сосед по комнате. Позже, мой сосед по кровати перевернулся на другой бок, обхватив меня одной рукой, а другую пристроил на моём животе.

— Ну, подожди. Не так быстро. Я хочу... — пробормотал он. Это вызвало у меня лёгкую улыбку. Но неожиданно, человек рядом сменил своё положение ещё раз, полностью улёгшись на мою грудь, а одну ногу устроив между моих, коленкой воткнувшись в промежность. — Ну, давай...

Мой половой орган начал немного реагировать на это, что вызвало лёгкие мурашки по всему телу, ведь он лежал в таком положении, что, если встанет, будет высовываться из-под трусов и касаться ноги соседа. Это по-настоящему смущало.

Я попробовал исправить ситуацию: немного пододвинувшись к краю кровати. Но это не помогло, и как итог, член уже касался ноги соседа. От макушки до самых кончиков пальцев по мне прокатилось чувство стыда. Хотя, казалось бы, чего стыдится? Со мной ведь и не

такое происходило.

Пришлось пытаться абстрагироваться от этого другими мыслями. Именно поэтому мой мозг заполонило огромное количество воспоминаний, которые были связаны со школой. Тогда, в пятом классе, не верилось, что настанет день, когда я больше не услышу первого звонка в новом учебном году, не верилось, что меня больше ничто не будет связывать с шумными коридорами, забитыми детьми; это было по-настоящему странно.

Казалось, будто я схожу с ума: множество различных событий будоражило мозг: посиделки после школы, уроки, активные игры, друзья и драки. Но последнее можно было назвать только с натяжкой. Я помню их все, но одна, самая яркая, вьелась в ленту воспоминаний слишком сильно, чтобы исчезнуть оттуда. Она была наполнена странной обидой на Илью — человека, которого я всем сердцем ненавидел тогда. А сейчас был ему благодарен...

ГЛАВА III: ...ТАК ХОЧЕТСЯ ВЕРНУТЬСЯ В ПРОШЛОЕ...

Громкие возгласы детей, что не так давно казались друзьями, звенели в ушах. Чувствовалось, будто голова сейчас взорвётся. Злой взгляд Ильи давил на меня, я так и не понял, что ему не понравилось, почему он так вспылит? Но факт есть факт; я сидел, облокотившись спиной в старую стенку гаража, так нелюбимым мной.

— Чтобы ты сдох. Ненавижу. — говорил тихим голосом Илья, его руки тряслись, то ли от напряжения, то ли от чувства вины.

— Я рад, что смог помочь выпустить пар. — ответил ему я, пытаясь выдавить из себя добрый и в то же время заботливый тон. Улыбка украсила моё лицо, хотя скорее изуродовала. Ведь по нижней губе и из носа сочилась багровая жидкость, которая осталась на костяшках обидчика. Это почему-то казалось очень милым: его поза, злой взгляд, а так же оскорбления, которые я уже не пытался разобрать казались очень красивыми, но в то же время страшными.

— К чёрту, пойдём. — Илья ушёл прежде, чем я смог подняться на ноги. Сдувая волосы со своего лба, мне пришлось приложить немало усилий, дабы снова не упасть. Но силы покинули моё тело, и мне не хотелось больше ничего. Я слышал, как некоторые ребята посмеивались над разыгравшейся сценкой. «Эта маленькая история уже начала переходить в легенду». — пронеслось у меня в голове. По последней версии я напал на Илью после того, как мы что-то не поделили, но он одним сильным ударом покончил с этой бессмысленностью. И победил меня — идиота, шизофреника, который набрасывается на людей.

«Мне не следует вносить коррективы в эту ситуацию». — подумал я. Это была последняя мысль, которая пронеслась в тот момент, после этого осталась только пустота. Я не заметил, как добрался до своего дома, не заметил, как вошёл в него, и не заметил, как забрался в душ, чтобы смыть с тела грязь и кровь. Только стоя под ним, у меня появились слёзы. Но не горести, не злости, а обиды на самого себя. Они текли по моим щекам, подхваченные каплями воды. Руки пытались их вытереть, но попытки были тщетны, ведь это уже были даже не слёзы, а истерика, перерастающая в крики.

«Если бы я только мог дотянуться до телефона». — пронеслось в голове, однако эта мысль моментально растворилась, перерастая в: «Нет. Нельзя, иначе так я и останусь слабаком».

Выйдя из душа, я впился костяшками пальцев в раковину, так, что они побелели, и опустил голову, словно обессиленный. Взгляд поднялся выше; в висевшем напротив зеркале отразилось моё лицо: глаза с красными кругами вокруг, нос с горбинкой, чёрные точки, набухшая губа. «Слава богу, что сегодня мне не надо на тренировку». — подумал я, отведя взгляд. Покачиваясь, направился в сторону своей комнаты, чтобы надеть нижнее бельё.

Нос всё ещё побаливал, а губу пришлось заклеить пластырем. Странно было то, что обиды на внезапно взбесившегося Илью у меня не было, точно так же как и на одноклассников. Она была только на самого на себя, на собственную слабость и неспособность вступать в драки.

Да, об этом только ходили слухи в нашем классе, нет, по всей параллели. Говорили, что я не могу и мухи обидеть, куда уж ударить; и это была правда. Я не могу поступить так плохо с человеком, каким бы жестоким по отношению ко мне он не был. Но язвить и трешовать — просто обожал, что только помогало злить обидчиков. Именно поэтому школьный психолог мне сказал: «У тебя мягкий характер, и...» — я уже забыл продолжение, так как счёл его неважным. Хотя я и не считал это недостатком, но многие говорили именно так.

Так прошло несколько часов. Обида больше не ломала мою грудь, не создавала дискомфорт. А гнев, что выплеснулся на странички личного дневника, покинул тело, оставив приятное чувство пустоты. Это продлилось недолго, до приезда мамы с моим братом. За прошедшее время я успел сделать домашнюю работу, прибраться в доме и немного поиграть в Roblox.

— Привет, мам, — сказал я, выходя в прихожую.

— Привет, сынка, — сказала она и бросила быстрый оценивающий взгляд на лицо. — Подрался?

— Есть немного. Но не беспокойся, я победил.

— Угу. Скажи с кем и по какой причине. — вопрос прозвучал жутко, будто остерегающе. Хотя я и знал, что она хочет узнать во благо мне, однако лёгкие мурашки пробежались по спине.

— Да, наверное, из-за кого-нибудь. И это определённо был Илья. — высказал своё предположение младший брат.

— Да, всё так и было.

— Ну ладно тогда, — ответила мама, заноса пакеты. — Так как папа на сутках, сегодня у нас маленький праздник.

Мой маленький братик вытащил из-за спины пакет с белыми картонными коробками. В нос сразу врезался приятный, любимый мной аромат.

— Иди отнеси их на кухню, поставь стаканы. Мы переоденемся и присоединимся. — дала указания мама, свешивая свою куртку с плеч.

Этот вечер был просто прекрасен. Роллы, газировка, сериал — всё было вкусным и приятным. Но всё равно чувство стыда не покидало меня. В первую очередь перед отцом. Он никогда не был рад таким посиделкам, поэтому они были в тайне.

Да и в принципе, он не любил, когда кто-то не занимался своими обязанностями или работой. Для меня и брата — уроки, мама — готовка, а он... Он мог позволить себе отдохнуть. Хотя нельзя его за это винить, ведь папа сильно уставал на работе.

Закончив с ужином и прекрасным времяпровождением, я убрал всё со стола и вновь решил принять душ. Это было одно из немногих действий в доме, что приносило мне приятное ощущение.

На следующий день всё было так, как я и думал. Дети обсуждали мой провал, смеялись и пару раз даже ставили подножки. Не сказать, что этого не было раньше, но всё равно было неприятно. Только два человека не принимали участия в сплетнях: Илья и Дима, мой лучший друг. Он всегда стоял горой за меня, из-за чего, в один момент, я понял, что испытываю к нему нечто большее, чем дружеские чувства.

Он был высоким, красивым, да ещё и довольно сильным. Многие пацаны боялись его.

Точнее внушительные размеры: рост — сто восемьдесят пять и вес — семьдесят девять, набранные, разумеется, мышцами, твердили: «Сука, не подходи ко мне. Уебу». Это мне в нём и нравилось. Его бешеная агрессивность снаружи, и тёплый маленький котёнок внутри.

— Привет, — сказал он, подбежав, когда увидел, что мне поставили подножку. — Сука, вы что делаете? Нарываетесь?

— Не переживай. Всё нормально, — тихо прошептал я, пока, схватившись за руку Димы, поднимался с ушибленных колен. Завтра будет синяк.

— Да какой нахрен «нормально»?! Эти суки...

— Не беспокойся, я в порядке. Ты лучше за своей репутацией последил бы. Тебе ведь последнее предупреждение от администрации пришло.

— Ненавижу в тебе эту черту, — буркнул парень под нос. — Но всё-таки, ты мне только скажи.

— Обязательно, — полное враньё, — ты ведь для меня лучший друг.

— Угу, — Дима пытался скрыть своё смущение, ведь я был единственным в школе, с кем он общался не на кулаках. — Пойдём в класс.

Этот день начинается намного лучше, чем предыдущие. Как минимум, потому что всё время до начала уроков, мы общались с ним. Хотя он и был довольно опасным парнем, но в глубине души, в которую я смог получить доступ; он оказался очень ранимым и добрым маленьким мальчиком, мечтавшим написать свою книгу о *пост-апокалиптическом* мире. Это казалось мне очень милым.

Так прошло несколько уроков. Одноклассники немного успокоились, хотя, возможно, мне это показалось; ведь рядом со мной всегда был Дима. Где-то между третьим и четвёртым уроками к нам присоединился мой младший братик, по этому обсуждение девушек, с точки зрения сексуальности, были моментально прекращены и перенесены на следующий день. Было видно, как по началу, Диме иногда становилось неудобно, ведь он не привык общаться с ним, однако парень со временем растаял, полностью отдавшись общению с маленьким, гиперактивным чудом.

То, как мой лучший друг пытался адаптироваться и фильтровать свой довольно загрязнённый матерными словами лексикон, вызывало у меня неподдельное умиление и улыбку. А когда маленький вампир, выпивший огромное количество энергии и сил, всё-таки ушёл, я увидел картину полного расслабления.

Он лежал на моей половине парты, подложив руки под подбородок, пока я делал ему массаж трапециевидных, большой и малой круглой, подостной и ремечной мышц. Это вызывало у него напряжение, и явную боль, ведь они были забиты; но он никогда не издавал ни одного возгласа против, иногда постанывая от удовольствия. Всё-таки все спортсмены, хоть немного, но мазохисты. Быстро достав телефон, я запечатлел это.

Дима по рассадке сидел рядом со мной, учителя никогда не делали нам замечаний, если только просили по тише переговариваться, ведь они всегда знали, что я владею информацией на несколько тем вперёд и, в случае чего, заставлю их выучить Диму. Поэтому у него были хорошие оценки.

Когда закончились уроки, мы собрались и направились по своим домам. Видимо вспомнив, что произошло вчера, Дима предложил проводить меня до дома; я с удовольствием принял его предложение.

Мы шли по безлюдным улицам частного сектора, пытаясь переубедить друг друга на

тему феминизма. Он выступал против него, основываясь на играх. А я выступал за, пытаюсь объяснить ему саму суть, что когда-то существовала в нём, а, если быть точнее, тогда, когда оно не стало идеей. Так продолжалось до самого моего дома, но мы не сошлись на каком-то одном мнении, и каждый остался при своём.

— Ладненько. Спасибо, что проводил, — сказал я ему, доставая ключи от дома с огромным количеством брелков.

— Та... Не за что, ты же помнишь, что я...

— Да, я помню. Спасибо. — не дал договорить я, уже вставив ключ в замочную скважину. Мою руку парализовало, не хотелось расставаться. «Хотя бы минутку. Не хочу заходить домой». — вопили мысли в моей голове, пока я смотрел на его лицо.

— Слушай, я всё хотел у тебя спросить, — начал было мяться Дима, — ты свободен завтра? Если да, то давай погуляем...

— Смотри, ты же знаешь, как у меня забито расписание, — начал было я, как увидел печаль в глазах своего друга. — Ладно, я посмотрю, если что, напишу. — Дима сразу повеселел, лицо наполнила улыбка; какой же он всё-таки открытый со мной.

— Ладно, — сказал он, взглянув на часы, расположенные на левом запястье, — мне надо на тренировку ебашить. Смотри, не подохни до завтра. — Дима протянул мне руку, а я ему в ответ. Боль пронзила мою кисть, но я не хотел подавать виду. Закончив рукопожатие, он развернулся и пошёл в сторону своего дома.

А я, развернувшись на сто восемьдесят градусов, зашёл в гараж, который являлся своеобразной буферной зоной между улицей и жилым помещением. В нос ударил запах пыли, нелюбимой мной.

Заперев дверь и повесив одежду, я направился в сторону своей комнаты. Младший братик встретил меня с радостью на лице, попутно попросив объяснить тему, пока папы нет дома, ведь он это не жаловал...

Я бросил все свои дела: такие как еда, домашние заботы, уборка в комнате; ведь чем раньше я смогу объяснить тему, тем более вероятно, что я успею сделать всё оставшееся до ухода на тренировку. Для меня было удивлением, что Антону, моему брату, было непонятна тема по математике, ведь он, в отличие от меня, не был гуманитарием. Дробь. Эта тема в его возрасте была проблемной и для меня.

Благо, я быстро объяснил эту тему братцу. Но меня не покидало ощущение, будто он меня обманывает. Времени на раздумье не осталось, мне пришлось носиться по дому, дабы успеть сделать всё, что мне поручено: прибраться в нескольких комнатах, перемыть всю посуду, загрузить вещи в стиральную машинку, развешать ранее выстиравшееся и погладить их.

На часах, когда дела закончились, красовались цифры "18:32", знаменующие, что до тренировки осталось, по меньшей мере, полтора часа. Заняться было нечем, вот от слова совсем. Еду за полчаса не приготовить, одежда постирается через два, а младшенькому, вроде, не нужна была помощь. В этот момент и помог телефон, в который было внесено несколько номеров:

(1) Папуличка

(2) Мама

(3) Братик

(4) Мой (не забыть)

(5) Димочка

Больше я ни с кем не общался. Да и зачем? С детьми на тренировках мы видимся каждый день, в школе... Опустим этот момент. А больше нигде. Хотя я довольно тесно общался с одной девочкой, с улицы, которая признавалась мне в любви, когда ей было не больше девяти. Мы тогда с ней поговорили и сошлись на мнении, что пусть пройдёт время, и потом всё решим.

Ткнув на экране последний номер, вызвав его — послышались гудки. Они продлились совсем немного — секунд двадцать. Послышался голос:

— Алё?

— Ало, привет. Как ты там?

— Да-а-а, — протянул он, — только тренировка закончилась. Ты что-то хотел?

— Ну да... Можно тебя попросить проводить меня до зала? Заодно и прогул...

— Жди меня через минут двадцать. — Это будет **18:53**. — До встречи.

— До встречи, — через трубку чувствовалась его улыбка, такая мягкая и добрая. Она была так обворожительна, даже в таком формате, что кончики моих губ приподнялись.

«Стоп. Всего двадцать минут?!», — сорвался я с места, начиная впопыхах приводить себя в порядок и складывать вещи в портфель. В него полетели туфли, неаккуратно сложенные в тканевый мешочек, две обтягивающие чёрные футболки, чёрные штаны, их форма могла напоминать клёш, однако это не было так; они хоть и увеличивались в диаметре к концам штанин, однако были сшиты без карманов, с кожаными вставками на поясе. Я начал наливать воду в пластиковую бутылку, что подарили моему брату на новый год, однако, она была ему не нужна.

Она была довольно маленькой, буквально литр, с серой крышкой, но не плотно закрывающейся, чисто из-за того, что прокладка, представляющая из себя силиконовую резинку, была утеряна мелким демоном, когда он взял её с собой в школу. Однако, то, что вода из неё постоянно вытекала, не мешало. Бутылка просто была удобной, наверное, самой удобной в *моей* жизни.

Минуты через три, как я оделся и стоял возле дома, вдалеке показался Дима. Он спешил. Это вызвало улыбку.

— Привет, — попытался отдышаться Дима.

— Ты опоздал на две минуты, — уколол я его, однако мы вместе посмеялись и направились в сторону зала. — Эх... А ведь это будет первый раз, когда ты увидишь, где я занимаюсь.

— Не вижу в этом ничего плохого.

— Я, надеюсь, что ты успел перекусить.

— Нет.

— Ох, ну что мне с тобой делать... — притворно закатив глаза, ответил я, снимая с плеч рюкзак и доставая бутерброд, что был заготовлен на такой случай. — Держи.

— Как это мило с твоей стороны, — ответил он, отворяя крышку, — с сыром! Как я люблю! Но откуда...

— Во-первых: я твой лучший друг; во-вторых: я твой лучший друг; в-третьих: я твой лучший друг. Ну и в четвёртых: ...

— Ты мой лучший друг?

— Нет, ты сам мне это говорил, года два назад.

— Стоп. Когда? — сказал он, хватаясь двумя пальцами за мою ветровку, ведь я чуть ли не наступил на рельсы трамвая. Этого было достаточно, чтобы я, наконец, посмотрел не на

него, а на дорогу.

— При первом нашем разговоре. Тогда я как раз-таки принёс их в школу. Дал тебе кусочек, и ты сказал, что тебе нравится.

— Забыл.

Так мы шли примерно минут сорок, обсуждая самые различные темы: школу, людей (да, мы крысы, и что?), вещи и спорт. Я даже не заметил, как мы пришли на место.

— Ну... Ты на месте, — сказал я, показывая на, с виду, довольно старенький дом культуры «Сибсс-тельтекстильмарш».

— Я могу посмотреть?

— Я думаю, да, — в этот момент рядом с нами пробежал маленький ребёнок с машинкой в руках.

— Ну тогда я с удовольствием, — тихо ответил он на моё разрешение.

Мы вошли внутрь каменного дворца, отделанного мрамором. В нос ударил запах хлорки, перемешанный с пылью. Как же я люблю этот запах...

Сдав одежду в гардероб, мы поднялись на второй этаж. На моё удивление, почти никого не было. Только два пацана: Андрюха и Серый. Они играли в догонялки, и именно по этой причине не обратили на меня внимания.

— А где раздевалка? — поинтересовался Дима.

— У нас её нет. Все переодеваются здесь — в холле.

— Даже девочки?

— Даже девочки, — я поставил портфель на один из стульев и достал штаны.

— Уф-ф-ф, — протянул он, глядя как я стягиваю с себя джинсы. Он взялся пальцами за ткань своих штанов и оттянул, показывая, будто возбудился. Это была одна из наших любимых шуток.

— Вот смотри и завидуй.

— А потрогать, что, нельзя?

— Пока нет, но, если будешь хорошо себя вести, позволю.

Мы в один голос начали смеяться. А пока это происходило, я стоял полуоборотом к нему, в одних трусах, неспособный даже пошевелиться из-за смеха. Но благо это вскоре прошло, и я закончил переодевание. К этому моменту уже подошли и другие дети.

— Слушай, — тихо сказал Дима, подойдя ко мне вплотную, — где тут можно отлить?

— А, сейчас покажу. Мне тоже надо сходить.

Спустившись на первый этаж, мы пошли налево, по отношению ко входу. Там располагалась большая деревянная дверь, на которой не было ни одного опознавательного знака, и вошли. И опять этот запах, только в этот раз ещё и пахло мочой.

В уборной не было кабинок. Писсуаров и подавно. Только отверстия в полу, отделённые между собой фанерой. Это вызвало в Диме неподдельное смущение, которое буквально через секунду сменилось на хищную улыбку, необъяснимую мне.

Заняв самое первое отверстие и уже расстегнув ширинку, я почувствовал лёгкие прикосновения к талии, постепенно спускающиеся мне на бёдра. Это были руки Димы.

— Что ты делаешь?! — воскликнул я, выйдя из ступора. Раньше такого никогда не происходило.

— Ой, да ладно тебе. — сказал он, отпуская меня, благо он не заметил, как у меня теперь уже по-настоящему, встал член. Или всё-таки увидел? — Это была просто шутка. — пояснил парень уже из своей кабинки.

На моём лице полыхало пламя, однако мне пришлось это проигнорировать и сделать свои дела. Выйдя к раковинам, я ополоснул руки и посмотрелся в зеркало — всё такое же красный. Заметив это, Дима спросил:

— Тебя что, так ни разу никто не трогал?

— Нет.

— О-о-о-о... Всё с тобой понятно. — сказал он с такой же хищной улыбкой. Но потом добавил очень тихо, почти не слышно. — со мной...

«Почему я вспомнил именно это?», — пронеслось у меня в голове. «Стоп... А что было дальше? Я не помню того, что происходило на тренировке. Хотя нет. Такое нельзя забыть». — вспомнились крик тренера, его обжигающий удар по бёдрам, который потом оставил четыре синяка: один синяк — один палец; вспомнилось то, как я пытался скрыть их от Димы, а потом пытался остановить его, когда он побежал на тренера с кулаками...

Да... Было потрясающее время. Много чего тогда произошло. Очень много.

Я взглянул на человека, что лежал буквально на мне, потом на свой пах. Так хотелось вернуться туда. В то детство, без вот этих всех моментов. Жаль, что...

ГЛАВА IV: ПОЧЕМУ Я?.

Мне однажды вкололи счастье.

И вкололи большую дозу.

Только после рвало на части,

как при выходе из наркоза...

Автор цитаты не известен

В горле стоял ком боли и слёз. Почему я хотел плакать?

Хотелось пить. Однако так не хотелось тревожить маленького котёнка, который, тихо посапывая, спал на груди. Растянувшись на ней и обволакивая всю левую часть, маленький зверёк вызывал детское умиление.

В один момент, котёнок тихо прошептал:

— Зайчик, ты чего не слышишь меня?

— Нет, нет, слышу. Вот только можно мне сходить в наше местечко?

— Ну-у... иди, только захвати от туда бутылочку вина.

— Хорошо, зайчонок, — после моих слов, зверёнок перекатился на другой бок, стянув с меня одеяло. Меня всегда умиляли его тихие разговоры по ночам, такие бессмысленные, но такие непредсказуемые.

Поднявшись с кровати, я направился на кухню, абсолютно проигнорировав тот факт, что половой орган был виден. Я же в темноте. Тем более, кто так поздно вообще будет на кухне?

Лунный свет проникал через маленькое окошко, освещая мне проход. Вот только его загораживал силуэт человека. Подойдя ближе, я раслеповал, что это был Андрей.

Он стоял в одних трусах, со стаканом в руках и мечтательно смотрел куда-то вдаль.

— Чего не спишь? — опередил он меня.

— Захотел воды, — Андрей протянул мне наполовину пустой стакан.

— Я не пил. — Мне на эту информацию было всё равно.

— А ты почему не спишь? — отразил я, обожая так делать.

— Как-то тоскливо. Даже не верится, что ты стал выше, младшенький, — это прозвище...

— Это случилось случайно. Не беспокойся, — попытался успокоить его я, однако он так не считал. Я сделал глоток.

— Нет. Нельзя случайно обойти пару на семь мест и войти в финал.

— Но мне просто повез...

— Это не так. — чуть приподнял интонацию в голосе Андрей, однако сразу осёкся. — Поверь, я разбираюсь в этом лучше, чем ты, — в тот момент, как он это сказал, я выпил воду залпом.

— Считай, как считаешь, — почти неслышно прошептал я.

— Ладно, я пойду. На завтра мы наметили прогулку, раз продолжение через день. Ты с нами?

— Не знаю, — также тихо ответил я, — завтра. Давай всё завтра.

— Хорошо, только не смей кукситься. Спокойной. — Он развернулся и пошёл прочь. Но в вдруг остановился и в пол оборота добавил, — классные трусы и хуй.

Даже в темноте коридора чувствовалась его заигрывающая улыбка. Она, словно светилась на его лице, а в голове вертелись его давние слова: «Я тебе не пидор, чтобы сказать, что у кого-то хорошие размеры».

Было приятно слышать, что Андрюха, наконец, осознал свою ориентацию. Он долго не принимал её, «боролся» со своей промежностью, когда смотрел на полностью голого Кима. Ох... Кимыч, жалко, что ты сейчас не с нами. Тебе, наверное, там сейчас хорошо в окружении милостивых девочек и мальчиков.

Взор устремился в окно на высотки — свечи, свет фонарей, тихую реку и набережную. Стало тоскливо. И в этот момент моя импульсивность дала о себе знать.

Я отпрянул от окна, к которому, на своё удивление, уже успел прижаться лбом, оставив жирный след. Взял верхнюю одежду и ключи. И покинул эту тесную квартиру, наполненную уютом и теми, с кем хотелось быть.

Я вышел на балкон, находящийся на моём, двадцать третьем, этаже. Ветерок обжёт своей прохладой. Он касался каждой волосинки на ногах, так и не облачённых в джинсы. Да, я вышел полностью раздетый. Не вижу здесь никаких противоречий. Хотя нет, вижу, холодно.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы натянуть джинсы — дудочки; накинуть свитер и чёрную кепку с надписью «F*ck.» Эта кепка была мне очень дорога.

Я посмотрел на небо, усыпанное дюжинами белых точек и огромной луной. Её свет грел, обжигал кожу, но при этом был нежен. Вновь стало тоскливо, сердце сжалось. Я подошёл к перилам и, свесив голову, устремил взгляд вниз, на детскую площадку.

Она казалась пустынной, грустной, что мне захотелось заполнить её собой. Раствориться в её блеклых красках. Повисеть на качелях. Может даже скатиться с горки. Хотя нет, не получится, она слишком далеко.

Дыхание сбилось. Руки впились в перила. По лицу скатилась капля пота. «Адреналин подскочил. — пронеслась мысль. — Только не это».

В миг луна, что была для меня солнцем перестала существовать, ровно, как звёзды и фонари. Звуки слились в какофонию, все, кроме одного. Его голос шептал мне, нет, кричал полным голосом, который я ненавидел всем сердцем, каждой фиброй души: «Что б ты сдох! Кто тебя такого воспитал?! Гамадрила кусок!»

— А я говорил, что это всё танцы!

— Ну, что ты?! Этого просто невозможно! Как ты это не поймё..."

Боль пронзала тело. Хотелось кричать, но это было невозможно, ведь эта, чёртова паника, сдавила горло, не давая вздохнуть. Так длилось минуты три, хотя, казалось, будто они — вечность. Я вновь увидел мир, словно поднял веки. Но вот пульс не собирался понижаться.

Я сидел, прижавшись спиной к стене, буквально в метре от злополучного перила. Ноги не двигались, но вот руки ещё как. Они поднялись к моему лицу. Оказалось, что щёки мокрые. По ним текли горькие слёзы. Они обжигали лицо.

И вновь эта слабость: правая рука потянулась в карман к телефону. Экран загорелся, ослепляя своей яркостью. Я зашёл в контакты, стирая с лица последние слёзы.

(1) Любимка

(2) Братишка

(3) Диман

(4) Идиот

(5) Лучшая Партнёрша

(6) Максим Александрович

(7) Виталина

(8) Хуила

(9) Андрей ...

(134) Долбоёб

(135) Я

Я занёс палец над контактом под номером три. Он был, наверное, самым болезненным для меня.

«Если что — звони. Я всегда на связи». — вспомнились мне слова. Они ударились эхом в голову, пытаюсь вызвать воспоминания, однако, ничего.

Нет. Я не буду ему звонить. Нет! Всё кончено!..

Я поднялся на ноги и, словно пьяный, направился к лифту. Голова кружилась, отдавая ударами в виски. Разум, как обычно, стёр то, как я оказался на той самой детской площадке.

Пальцы коснулись железных прутьев, в ночи создающие своеобразный кокон. Он был резным: листочки, ягодки, цветочки, птички. Нет. Детская площадка не кокон, а клетка. Птичья клетка.

Птицы...

— Смотри! Там лебеди! — воскликнул восторженным голосом Дима. — Как романтично, они плавают вместе.

— А что в этом романтичного? — поинтересовался я.

— Ну как ты не понимаешь?! — он схватил меня за локоть, который отдал жгучей болью. Я выхватил руку. — Что случилось?

— Ничего.

— Слушай, если ты всё ещё по тому поводу, то прости меня, пожалуйста. Я не разобрался и вспылал. Но теперь с ним всё кончено. Честное пионерское. — он поднял руку ладонью ко мне в знак честности.

— Да не в этом дело.

— А в чём?

— Неважно. Слушай, хотел тебе сказать, что завтра перевожусь в другой клуб. Меньше получится видеться.

— Это же потрясающе! Ты, наконец, сбежишь от этой ебланки! — улыбка озарила его лицо. — Ну и ладно. Зато наши встречи теперь будут особенными.

— Тебе-то легко говорить... — тихо ответил я. Он схватил меня за стык кисти и предплечья так сильно, что суставы хрустнули.

— Так! Что случилось? — воскликнул он, заглядывая в глаза и немного встряхивая.

— Почему бы тебе просто не оставить меня в покое?

— Что?..

— Я не в том смысле, что я устал от тебя или что-нибудь ещё. А в том, что я не понимаю. То есть... — губы сжались в одну тонкую линию, а на глазах выступили слёзы. — Я тебя столькому подверг... Когда я думаю, что ты уйдёшь, вслед за всеми, ты возвращаешься, как ни в чём не бывало, — тихий всхлип пронзил пустоту в грудной клетке. Я уже не мог сдерживать слёзы, они просто полились из моих глаз.

— Э-эй... Ну что ты? — тихо сказал он и прижал к груди. — Это же ты должен был

отвернуться от меня за то. Не плачь, пожалуйста.

Но я не мог. Слезы, что так давно хранил я, вырывались. Всхлипы горечи пронзали лёгкие вновь и вновь. Ком в горле не давал сглотнуть.

Руки, выпущенные из *оков*, обхватили спину Димы, а он обнял меня в ответ. Лоб упирался в его ярёмную ямочку. Было так тепло, а оно приносило ещё большую боль.

— Спасибо, спасибо тебе за всё, — прошептал Дима возле самого уха.

Я *вырвался* из клетки. Казалось, что вот-вот, и я задохнусь от духоты на улице, а может от слёз, которые вновь полились из глаз. А ведь тогда всё произошло по моей вине.

В голове промелькнули события того рокового дня, когда Дима признался мне, что гей. Моему счастью не было предела, а потом эта радость разбилась о скалы, когда он сказал, что ему нравится один мальчик из параллели, и, что он ему уже признался в чувствах.

Через несколько часов они начали встречаться. А я так и остался бесплатным приложением, не владеющим граммом внимания Димочки. Он оставил меня за бортом своего судна — "Счастье". Прогулки до дома стали в одиночестве. Издевательства — обычным делом, драки тем более. Не было и дня, когда я не возвращался домой без синяка или новым следом от сигареты.

Но через месяц всё изменилось. Я застукал парня своего *лучшего друга* за разговором по телефону. Он говорил о Диме, как о гадком существе, который противен ему каждой клеточкой тела. Это произошло на втором этаже, возле актового зала. Здесь было безлюдно.

Я не выдержал и набросился на него с кулаками. Злость захлестнула меня. Я впервые ударил человека. Человека *лучшего друга*. *Парня лучшего друга...*

Слёзы катились по моим щекам и падали на тело обидчика. Кулаки болели, а губы всё шептали: «За что? Почему?» Через несколько минут избиений пришёл Дима. Он так возненавидел меня, так невзлюбил, что закричал, и со всей силы пнул меня под ребро. В тот момент я не почувствовал боли. Но потом, шальная пуля прилетела мне в сердце, когда я начал ощущать сильные удары по корпусу от Димочки. Моё солнышко — вопило изо всех сил — бил меня, кричал, что ненавидит и, что мне надо сдохнуть.

Тогда у меня была разбита бровь, сто и один синяк на теле, кровоподтёки. Повезло, то, что он тогда не *"поцеловал"* меня в руки, и они остались девственно чистыми.

Скрип качель вернул меня в настоящее. Она завывала в одиночестве и звала меня: «Садись, унесу в далёкий край, зовущийся "детством"». Я сел. И улетел...

— Слушайте, а никто не знает, что случилось между Владом и Димой? — слышались шёпоты по классу. Это была главная тема последних двух дней, которая, на самом деле, скатывалась к сплетням.

— Нет...

Дни превратились в ад. Дима отсел от меня на уроках, а тело болело до изнеможения. Не хотелось двигаться, что, в принципе, и происходило. Заглянувший братец быстро ушёл, не увидев меня с моим лучшим другом. Было такое ощущение, будто весь мир, который был у меня — рухнул, разлетелся на миллионы песчинок, при прикосновении к которым они разрезали кожу.

Как я ненавижу это всё!

Я же хотел как лучше! Почему он меня даже не выслушал?

На одном из уроков, я отпросился в уборную. Хотя, на самом деле, не собирался туда

идти. Просто хотелось послоняться по школе. Не сказать, что учителям было всё равно, что я делаю, ведь всё равно буду знать тему. Так что один раз я отпросился в начале урока и вернулся только под конец.

И вот я, гуляя по пустым коридорам школы с сильной болью по всему телу. Она резала мышцы при каждом шаге. Это было противно и невыносимо.

Я гулял по второму этажу, заглядывая в каждый класс, что был с открытой дверью. В двести десятом занимались пятиклашки русским языком, а вот в двести шестом был урок химии у девятиклассников. В двести пятом гостила наша параллель, подойдя к двери, которой я встал так, чтобы учитель меня не видел, но вот класс — вполне.

Мой взгляд пробежался по рядам. Все так активно занимались математикой, что даже не замечали постороннего взгляда, исходящего из коридора. Я нашёл многих, кто смеялся или обсуждал меня в стенах школы, увидел всех, кто избивал меня. Но неожиданно, я почувствовал посторонний взгляд. Он прожигал мне спину. Обернувшись, я увидел Илью.

Он стоял буквально в метре от меня. Его взгляд был очень грустным, изучающим.

— Ты чего? — тихо спросил я. На этот вопрос он не ответил, пройдя мимо, и со всей силой ударил плечом. Боль вновь прокатилась по телу, напоминая о многочисленных синяках, так сильно, что я скривился, а по щекам прокатилась пара слезинок.

Илья обернулся, заметил, как я отреагировал, и бросил на меня свой сожалеюще-издевательский взгляд.

Я никогда не любил этот взгляд всем сердцем. Я никогда не понимал эмоций Ильи. Я никогда не понимал логики его действий. Почему он такой? Как же танцевальная солидарность?

И вновь он, почти зайдя в класс, останавливается, разворачивается и кидает свой новый взгляд. Но в этот раз он меня не раздражает. Он простой, печально-извиняющийся, кричащий слова: «*Прости меня. Я не хотел*». После чего сразу разворачивается и ступает в хорошо освещённый класс.

Это поразило меня до глубины души. Я никогда не видел *такой* взгляд. Обычно он издевающийся, злой, ненавидящий, изучающий. Но никак не извиняющийся. Да о чём, чёрт его подери, он думает?!

Я решил вернуться в класс, но сначала всё-таки зайти в уборную.

Открыв дверь, в нос ударил запах целлюлозы и спермы. Довольно часто парни из наших классов отпрашивались с уроков, чтобы передёрнуть быстренько, что я считал отвратительным и неприятным. Так много бактерий! Слишком много рисков подхватить что-нибудь.

Я шагнул внутрь и, пройдя по довольно короткому коридору, остановился у самого порога в основную часть, услышав, что тут кто-то есть. Он стоял тихо, словно, поджидая меня. Но я списал это на свою паранойю, хоть и предупреждающую, что не надо идти.

Её надо было послушать.

Шагнув в помещение с кабинками и писсуарами, меня толкнули к стене так сильно, что голова ударилась об дверной косяк, расположенный на стыке между коридором и самим туалетом. Спина отдалась страшной болью, голова начала кружиться, и весь мир поплыл перед глазами, именно из-за этого я не мог долго разглядеть, кто на меня напал.

Мои руки прижали к стене у меня над головой, а на уровне живота я почувствовал чью-то коленку. Если быть точнее, не на животе, а, примерно, на мочевом пузыре, совсем рядом с промежностью. Так мы простояли минуты три, за которые я почувствовал лёгкий запахок

алкоголя.

Зрение восстановилось. Я увидел Диму. Он стоял с полностью красным лицом, тяжело дышал.

— Ди-и-им, — тихонько, почти шепча, протянул я. В ответ он сильнее сжал мои запястья. Видимо, когда он прижал меня, пуговицы, что находились на рукавах, оторвались; а сами рукава спустились до локтей: именно по этому ожоги и синяки показались из-под ткани. Дима посмотрел на мои руки, его глаза округлились.

— Что? — прозвучал вопрос одними губами. Его лицо было странно поражено увиденным. Будто он думал, что такого не может быть.

Дима, оторвав вторую руку от стены, начал расстёгивать мою рубашку, так рьяно, без смущения. Но когда закончил с этим, его взгляд стал ещё более ужасающим. «Почему я ничего не говорю?». — пронеслось в моей голове.

— Это не то, что ты подумал. Это я просто по лестнице кубарем скатился, — начал было тараторить я. Он отпустил мои руки, что уже свело от положения над головой.

— Дурак. — проговорил Дима тихо. Его лицо до сих пор было пунцовым, то ли от алкоголя, то ли от осознания того, что сделал.

Секунду промедлив, я вырвался из его тисков и побежал прочь из туалета, не обращая внимания на то, что рубашка расстёгнута нараспашку. Обида поднялась по горлу наверх, не давая дышать.

Остановившись возле двери, ведущей в наш класс, я полностью застегнулся, поправил причёску и отдышался. Отворив дверь, я вошёл в кабинет.

ГЛАВА V:...КОГДА БЫЛО ТАК ХОРОШО...

Уроки проходили один за другим. Дима лежал на своей парте, а я сидел и смотрел на него, вспоминая момент в туалете. Почему он решил выпить? Для храбрости? Может от горя, что его парень дома остался? Но почему он тогда ждал меня в туалете? Избить?

Почему так много вопросов и так мало ответов?!

Они ещё долго мучали меня, но неожиданно исчезли, когда прозвенел звонок с последнего урока. Пока я спускался со второго этажа по главной лестнице, то краем глаза заметил Илью, одиноко идущего в сторону гардероба. Он был таким грустным, что где-то в глубине души я пожалел его.

Мимо меня пробежали мальчики. Они резвились и играли крича что-то друг-другу. Один из них, последний ударился об меня, не успев затормозить:

— Ой, простите, пожалуйста, — быстро протараторил он и вновь пустился в прыть за своими друзьями.

— Ничего страшного, — прошептал я. «Скоро они бросят тебя. Ты будешь один», — пронеслось у меня в голове.

Переобувшись, я взял свою куртку, вышел на улицу, надев на себя свой портфель и пошёл в сторону дома. Осень и в правду была очень тёплой. Вспомнились слова из песни: «Нет дела: смотри, никому нет дела, до того, что тебе сегодня грустно...» Грустно и вправду было.

Неожиданно, меня схватили за капюшон и потащили назад, причём так резко, что я даже не успел среагировать. От этого я вскрикнул и зажмурил глаза.

— Да не кричи ты. — Сказал кто-то тихим, женским голосом. Он был совсем близко, над самым ухом. — Что случилось?

В этот момент я открыл глаза. Это была Ксюша — моя одноклассница, которая тоже ни с кем не разговаривала. Её веснушки смеялись на лице, а ярко-зелёные глаза смотрели на меня таким мягким и добрым взглядом, как у мамы.

— Прости. Испугался.

— Да забей. Что случилось?

— Ты про что?

— Ну-у-у, — немного протянула она. — Между тобой и Димой. Вы поссорились?

— Да нет. Всё нормально. — и снова он. Не хотелось про него думать. Зачем она напомнила?! Теперь в голове вновь всплыл тот момент в туалете.

— Не ври мне!

— Да что тебе не врать?! Я тебе чистую правду говорю! — вырвавшись из её цепких «лап», я ускорил свой шаг, почти переходя на бег. Хотя боль и отдавала во все мышцы, мне нельзя было замедляться. Догонит.

— Эй! Ну куда ты?! — крикнула девочка вслед, а потом раздались звуки бега.

В момент, что-то тяжёлое навалилось на плечи, потяжелее рюкзака и тех мыслей, которые преследовали меня. Но, почему после этого мне стало так легко?

— Ха-ха-ха, — послышался звонкий смех.

Необыкновенная лёгкость перешла в пронзающую боль, окатившую всё тело. Казалось, будто какой-то шальной гитарист решил сыграть на мышцах ног и спины, словно на гитаре. Почему-то мне показалось, что это были первые аккорды одной из многочисленных песен

Алёны Швец. А этот чёртов гитарист всё играл и играл, роняя ноты со своих струн. Её мелодия в один момент показалась мне такой привлекательной. Так и хотелось в ней забыться. Это играла мелодия, что в один из моментов я заслушал до дыр, не снимая с повтора несколько недель. «Звёзды в 3:05».

Как бы необыкновенно не играл свою мелодию гитарист, в ней всё равно не хватало слов. «Сегодня ты меня убьёшь три ночи, поздно уже заряжен, на столе две пули, воздух...» — пролетали строки в голове, вспоминая голос и тембр. Как же хотелось запеть! Но потом песня оборвалась на самых любимых мной нотах, на последних: «Сегодня ты меня убьёшь три ночи, поздно лежат два трупа на траве гля...». Тело пронзила ещё большая боль, со всей грудной клетки. Она загорела страшным пламенем, из песни Ивана Рейса «Огонь».

«Почему весь сегодняшний день я вспоминаю треки? Может во мне опять просыпается меломан?» — сверкнула в голове мысль.

— Ну чего ты? — воскликнула Ксюша, сидя у меня на ягодицах. Я не ответил ей. Просто оставался лежать.

Она ткнула меня в спину. И издав злостные звуки, поднялась с меня, подошла и села на асфальт рядом с моей головой. Её юбка задралась.

— Может хотя бы прикроешься, — тихо предложил я.

— Нашёл проблему. У меня же колготки. Ты всё равно ничего не рассмотришь, — и в действительности, на ней были надеты чёрные колготки, которые ближе к коленкам изображали мордочку котёнка. — Тем более, насколько мне известно, ты не интересуешься женщинами.

— Что? — сердце забилося, как бешенное. Неужели меня раскрыли? Я моментом начал подниматься на руки, но вновь резкая боль.

— Что слышал. Тем более, это только мои предположения. — продолжила она с ярчайшей улыбкой на своём лице. — Что случилось между тобой и Димой? А-то мне не по кому писать фан... — она резко осеклась, но я понял, про что она хотела сказать.

— Фанфики? По нам? Я тебя умоляю! — рассмеялся я, хотя мне захотелось завить от боли.

— Ну а что? Разве нет?! — она, скорее всего, заметила, как мне трудно, и начала помогать. — Вы постоянно были вместе, он — би...

— Гей, — поправил я её, но сразу понял, какую дурость сморозил. Я же сейчас рассказал про его секрет...

— Тем более. Он ни с кем кроме своего парня не общается, вы даже до твоего дома ходите вместе.

— Во-первых, а как же мой брат? Во-вторых, ты за нами следила?

— Нет, — я посмотрел на неё зловещим взглядом. — Ладно, совсем чуть-чуть. — взгляд стал ещё более злостным. — Ладно. Следила. Ну и что?

— Ну и что?! — взорвался я. — Тебе бы было приятно, если бы за тобой сталкерили? — по её лицу можно было сказать, что она явно хочет сказать «ДА!».

— ДА! Это же так романтично! У меня даже один эпизод так прописан! Бравый рыцарь Димельтерион начинает выслеживать хрупкого принца из соседнего королевства, которого зовут Владислэрий. Но потом, в один яркий летний день, на королевство принца нападает король третьего королевства Илларион. И могучий рыц...

Я оборвал её на полу слове: — Да что, чёрт подери, ты такое несёшь?! Какой к чёрту Димельтерион? Какой Илларион? Какие королевства?

— Средневековые! Какие ещё могут быть?! Разве это не романтично?! — кричала она на меня. Ладно, это действительно было романтично, и я бы прочитал. Но это был фанфик про нас с Димой... Ладно, кого я обманываю, я бы не прошёл мимо, и мне скорее всего понравилось бы.

Но я упорно стоял на своём, не давая слабину. Так мы ругались некоторое время, но я проиграл и попросил название. На что Ксюша сказала, что нигде не публикует, а только пишет в стол. Я был возмущён. Да как можно такое прятать?! Это невысказано!

Так гуляли мы довольно долго. Дошли до моего дома. Там то мы и распрощались, а то время, что мы провели вместе превратилось в далёкие воспоминания. К которым я буду возвращаться, как оказалось, каждую минуту. Мир пестрил красками. Он был таким ярким, каким не был уже очень давно.

Пыль в буферной зоне казалась не такой надоедливой. А та серость, что была здесь постоянно куда-то испарилась. На спине выросли крылья. Они сделали меня таким лёгким и сказочным. Я буквально парил над полом.

Но, когда я вошёл в сам дом, то меня встретил отец. Но почему? Он должен был приехать только в восемь часов, забрать меня с тренировки. Я подумал: «Что случилось? Почему приехал так рано?» Но оказалось, что я это спросил.

— Иди к чёрту, — рявкнул он и, отпихнув меня от двери, вышел в гараж.

Я остался стоять, как вкопанный, пока слышал, как он шумно обувается и сильным хлопком закрывает дверь. Воцарилась тишина. Я прошёл чуть в комнату, поставил портфель, повесил куртку и остановился. Почему так тихо? Братик должен был уже вернуться.

— Братик? — тихим голосом позвал я его. В такой тишине этот вопрос можно было услышать даже из самых удалённых от меня частей дома. Однако никто не откликнулся. — Братик? — повторил я. В дали послышалось мяуканье кота. Он спрыгнул с подоконника, вальяжно направился ко мне. Обычно такого не происходило, он просто лежал на своём месте, иногда мог приподнять свою голову и проводить усталым взглядом.

Кот подошёл ко мне и начал тереться об ноги. Я опустил на корточки и погладил пушистика. Но потом сразу встал и аккуратными шагами пошёл внутрь дома, в сторону нашей, с братом комнаты. Пол тихо заскрипел под ногами, когда я шагнул в короткий коридор, разделяющийся в конце на два помещения: налево — зал — комната родителей, прямо — кабинет — место, в котором мы делали домашние задания. Эх... Помню, как мы с братишкой сидели и делали вид, что делаем домашку, а на самом деле играли в морской бой.

Отбросив хоть и приятные, но всё-таки лишние мысли, я повернул налево, легонько коснулся обоев и заметил, что дверь в нашу с братом комнату была закрыта. Это было странно. Дверь никогда не закрывалась, а если и закрывалась, то только для воскресных проветриваний, которые не всегда давали прок. Пройдя в середину комнаты, я услышал, что в ней кто-то находится. Это было понятно по шелесту ткани на первом этаже кровати, которая никогда не застилалась, да и на втором тоже. Когда ты утром встаёшь в шесть часов, не очень-то хочется возиться с простынёй, одеялом и подушкой, а вечером нет смысла.

Я прислушался лучше. Послышалось тихое тиканье часов, находившихся в кабинете, небольшой ветерок из незакрытого где-то окна и шебуршание. Такое знакомое. Я часто слышал его, но почему мне не хочется признавать, что это действительно именно то, которое мне кажется? Я тихо шагнул к двери. Получилось настолько бесшумно, что даже я ничего не услышал. Прижался ухом к двери и коснулся телесной ручки изогнутой под ладонь. Звук шебуршения ткани остановился. Помнится мне... Нет. Стоп. Хватит

вспоминать.

Я немного надавил на ручку. Она не поддавалась. Дверь была заперта. Заперта с другой стороны. «Что происходит?» — прозвенел вопрос в голове.

— Братик? — позвал я его, потом постучал легонько в дверь. С другой стороны вновь послышалось шебуршание, которое на этот раз сопровождалось тихим всхлипом. Хотя был ли всхлип на самом деле? Может показалось?

Отпрянув от двери, я тихими аккуратными шагами направился на кухню. За ножом. Это было единственное, что могло бы решить эту маленькую проблемку.

Когда я зашёл туда, кот вновь начал путаться под ногами, словно удерживая меня. Он не хотел, чтобы нож, лежащий в самом первом ящике, возле раковины, под которой, в шкафчике стояло мусорное ведро (мне думается, как и у всех в России). Но, проигнорировав его, я потянул в этот раз за волнистую серебристую ручку, и взял первый попавшийся ножик, как потом окажется — для рыбы.

И вновь я направился в комнату. Почему такое напряжение?

Подойдя к двери, нож коснулся замка, расположенного чуть ниже ручки. Он был устроен просто по-уродски. Дверь закрывалась изнутри, сбоку двери выезжала железная балка, не дававшая ей открыться. А со стороны зала находилась шайбочка, которая повторяла форму самореза на минус. Когда кто-то запирает комнату с той стороны, он поворачивал специальный рычажок, механизм выдвижения срабатывал, а шайбочка поворачивалась. Её можно было аккуратно повернуть со стороны зала с помощью ножа, линейки или ещё чего-нибудь.

Хотя бы такую *защиту* мне удалось выпросить у отца. Помню, он сильно клацнул зубами, вытаскивая из своего кошелька «лишние» сто-двадцать-пять-рублей-девятидесять-девять копеек. Я запомнил эту цифру на всю жизнь.

Я вставил нож в проём — ложбинку в центре шайбочки и медленно повернул. Она легко поддавалась. Теперь я также нажал на ручку. Но вот она не поддавалась. Кто-то или что-то держало дверь с другой стороны. Но с учётом того, что в нашу комнату, как и, в принципе, в любую другую спальню, было запрещено заносить стулья и ещё какую-нибудь мебель под предлогом того, что это очень опасно, этот кто-то держал дверь.

— Братик. Папа ушёл. Тут только я. Открой пожалуйста, — попросил я жалобным тоном. Но в ответ ничего не последовало. Пришлось чуть сильнее нажать на ручку. Она не поддавалась. Ещё чуть-чуть... Послушался щелчок — подпорка упала. Я отворил дверь.

Мой брат лежал на втором, моём, этаже кровати, укутавшись в моё одеяло, отвернувшись к стене. Он плакал. Это было понятно по вздымавшимся плечам.

— Эй, ну ты чего? — я подошёл к кровати и хотел было коснуться его плеча, как он сказал:

— Не трогай меня. — Его тон был очень и очень тихим, подавленным.

— Ну пожалуйста, поговори со мной, — попросил я его.

— Не трогай меня! — вскрикнул он и ударил меня по рукам, которые находились совсем рядом с его плечом.

— I believe in us, and I really do, — начал петь я тихим, тонким голосом, понимая, что фальшивлю. — I can barely take it, can't get over you, — продолжил я, братик немного повернулся. — If you're trying to lose me then you're going the right way boy. — всё ещё продолжая петь, братик начал разворачиваться, его глаза были красными. — I can't turn back the clock, take what I got, — перескочил на другой конец куплета я. — Give me everything...

— Are you trying to make me cry, — подхватил он. — Stop trying cause I'm die die dying.

Так пели мы до конца песни, после чего он обхватил мою шею и разревелись окончательно. Я обнял его сильно-сильно.

— I'm sorry I made you cry... — пропел я эти слова, после чего подняв с кровати, понёс в сторону кабинета, а он всё продолжал плакать и плакать. Моё сердце сжималось каждый раз, как братик всхлипывал и это продолжалось долго. Очень долго.

Когда он всё-таки успокоился, я заставил его умыться. Позже братик рассказал мне, что они поругались с папой, что тот его ударил. А всё было из-за оценок. Из-за оценок, которые не дотягивались до отметок старшего брата, меня. Он был хуже меня в учёбе, что сильно расстраивало папу. Они довольно часто ругались, иногда отец бил братика.

Мы поговорили с ним по душам. Он рассказал мне всё, что произошло за этот день. Было интересно. После я направился в ванную. Мне надо было принять душ. Холодный душ.

Стоя под ним у меня было странное неприятное чувство. Чувство вины. «Если бы я учился не так хорошо, братика бы не ругали? — звучали вопросы: Неужели они так и будут собачиться. Всё ведь из-за меня».

«**Винишь себя?**» — этот голос был очень громким, моментально перебившим все остальные. Он не был похож ни на один из миллиона тех, что звучали раньше, он был очень злым и низким. «Что?» — это уже был мой личный голос. «**Ха-ха-ха. В такой ситуации люди обычно чувствуют...** — странный голос затих на несколько секунд, после добавил со страшной силой: **Вину!**» «В какой?» **"В разрушении чужих жизней! Ты же мастер в этом!"**

«Что?! Нет. Это не правда!»

«**А как же твой друг? Ты ведь не только брату жизнь испортил, но и ему.**»

«Я хотел ему помочь! Это было не спр...»

«**Неправда!** — голос ревел у меня в голове: **Ты просто ревновал! Ревновал сильно и не смог сдержаться.**»

Мой голос в голове молчал. Не было слов.

«**Почему молчишь? Стыдно стало?!** — кричал он: **Стыдно! Очень стыдно! Он ведь твой лучший друг был, а ты вот какой оказался. Драчун, плохой друг, невероятная тряпка и ломающий брату жизнь человек. Так ещё и педик!**»

Я не мог спорить с ним. Это всё казалось мне правдой. Правдой, которая была неотвратима, с которой нельзя было спорить. Именно такую правду я ненавидел больше всего. В один момент послышался плач моего брата.

«*Это не правда! Мой брат не такой! Он добрый и хороший. Лучший брат на свете. Ты не прав! Ведь он ни разу меня не обидел, по крайней мере специально*», — голос брата в моей голове орал. Сразу после добавил: «**Съеби отсюда!**» Откуда ты знаешь такие слова, братишка? Я, вроде, не учил тебя такому.

«**Съеби, ёбанный уебан!**» — этот голос был до боли знакомым. Он был таким родным и близким, что можно было сказать, что само моё тело пропахло им. Дима.

Голоса моментом затихли. Не было никого. И это молчание было мучительным. Тишина, заставляла меня оглохнуть, стать невидимым, безликим. «Кто-нибудь, поговорите со мной!» — завопил мой голос изнутри. Я сам начал рвать её, я кричал на неё, пытался прогнать. Но никто не ответил.

Я открыл глаза, которые непонятно когда закрыл. Передо мной всё так же находились

стеклянные стенки душевой кабины. Вода, теперь уже ледяная, струилась из лейки. Когда она стала такой холодной?

Я вышел из кабины, тихо закрыв дверь. Взглянул на часы, висящие над дверью в ванную. На них красовалось время — **18:23**.

Осталось чуть больше часа до тренировки.

ГЛАВА VI: БОЛЬ В ЧЁМ?...

Примечание к части

Изображение под эту главу вы можете увидеть тут:

<https://drive.google.com/drive/folders/1x3vqahagKcWZ-g5TkYO1wq8nLbiyDur->

*«Нет ничего хуже,
чем увидеть мразь в человеке,
которого ты считал*

ЛУДШИМ»

Автор цитаты не известен

Переодевшись, я направился в сторону зала. В последнее время стало сложнее переодеваться. Приходится уходить в туалет, в самую дальнюю кабинку, чтобы никто не увидел. Иногда я захожу в первую, касаюсь своих бёдер в том месте, в котором меня трогал Дима. Слезы обычно начинали выступать из глаз. Но я всегда заставлял себя остановиться. Нельзя. Нельзя плакать, ни в коем случае.

Иначе я не буду **сильным братом**. Не стану тем, кто может **защитить**.

Выйдя из туалета, я поднялся на второй этаж, зашёл в просторный зал. Свет был приглушённый, жёлтый. Это добавляло некоего вайба помещению, ведь посреди огромного зала возвышались две огромные мраморные колонны, а между ними висели хрустальные люстры. Свет от них ложился мягким светом на паркет, что также освещался через огромные окна, наполовину завешанные плотными шторами. Я обожал это место, это была настоящая отдушина в той серости, без Димы.

Играла музыка. Это определённо была самба — мой самый нелюбимый и один из самых сложных танцев. Не скажу, что только этот танец самый сложный. Нет. Они все невероятно сложные, быстрые и сложнокоординационные. Но они мне так нравятся! Все десять! Ко мне подошёл тренер.

— Привет, рыжик, — сказав это, он улыбнулся. И протянул руку, она была просто огромной. Но я никогда не растеривался, пожимал. — Как поживаешь?

— Здравствуйте. Хорошо, спасибо, — ненавижу врать тренерам, но ничего не поделать. — У меня сегодня с вами?

— Нет, с Горн, — ответил он, обогнув и похлопав по плечу. — Ладно, удачи тебе на тренировке.

— Спасибо, — я криво улыбнулся.

— Да какого чёрта ты делаешь?! — крикнул тренер в дальнем конце зала. — Я же тебе сказала, что надо делать так! А ты делаешь как какая-то сарделька. Почему мысли не работают?! — орала она на весь зал так сильно, что заглушала музыку из магнитофона, рядом с которым стояло много кружек из-под кофе, так же там находилась россыпь дисков с музыкой.

Андрей и Арина закончили буквально через несколько минут после того крика, проходя рядом один из них сказал:

— Берегись, она злая.

— Спасибо, — прошептал я, и в зал зашла моя партнёрша. Эвелина. Ненавижу её. Она

такая самонадеянная, аж до рвотного рефлекса милая.

— Привет, — с призрением сказала она. По крайней мере, мне так показалось.

— Ну чего вы там стоите?! — немного прикрикнул тренер. Она никогда так не делала в начале занятия. Я был её любимчиком. Кто её так разозлил? Я шагнул на паркет, ослеплённый радостью перед тренировкой. Единственной моей отдушиной.

Дима(19:52)

Свет из окон огромного зала ложился на плитку перед домом культуры. Мне так хотелось зайти в него. Но боль в сердце ломала рёбра. Помню. Я помню, как прижал его к стене, как бил. Я помню, как Влад сторонился меня, я буквально слышал те всхлипы в его душе, когда он смотрел на меня после драки. Было невыносимо.

«Одним глазком. Всего одним», — сказал я сам себе.

Поднявшись на второй этаж, я заглянул в зал. Он был там. Улыбается тренеру, который кричит на него. Идёт в дальний угол, делает пару шагов, пока вокруг него кружит эта женщина. Она направляет его бёдра, ломает ноги, пытаюсь развернуть их, кричит:

— Да! Вот так, наплавь бедро по стопе! А какого чёрта ты его не скрутил?! — крик раздавался на весь зал, ведь никто больше не занимался, а музыка не играла.

Ещё один шаг. Хлопок. Рука прилетела по ляжке. Лицо Влада немного дрогнуло, на момент исказилось в гримасе боли, а потом снова стало нормальным, счастливым.

«Знаешь, на тренировке меня тренера любят. Я, можно сказать, их любимчик», — слова Влада вонзились в душу. — «На тренировках я чувствую себя очень свободным, не таким как дома. Это моя отдушина».

Я не могу смотреть на него. Я не могу слышать его больше. Не могу слушать эти крики его души. Эти всхлипы. Эту боль. Я виноват. Я.

Отвернувшись, я услышал ещё один хлопок, а потом заметил одежду. Всю чёрную, аккуратно сложенную. Сумка, набитая чем-то.

Я подошёл к его вещам. Открыл сумку. Там были кроссовки, майка, кепка и спортивные штаны. Он никогда бы не взял их в зал. Я вытащил их. Потом не глядя засунул руку в мешок. И почувствовал что-то. Это были упаковки от открытых пластырей. Их было очень много.

Я резко вырвал руку из пасти этого страшного существа. Казалось, будто эти упаковки — зубы, острые и опасные. Я вернулся к залу, заглянул внутрь. Он стоял там, слушал наставления и улыбался в этот раз уже лёгкой улыбкой. Она не была такой яркой, через неё я читал ту боль, которую причинили удары по ногам.

А потом вспомнил, куда бил его во время гнева. Я тщательно выбирал места, так, чтобы никто не увидел их из-под одежды. Так, чтобы никто не узнал. А он бил меня, хоть я и не ощущал этого, ведь был зол.

Посмотрев на свои руки, мне стало так противно с самого себя. Эти руки разрушили то, что мы с ним строили на протяжении многих лет. Они были в огромном количестве пластырей от ударов **лучшего друга**. Я напугал его до такой степени, что он даже не пытается подойти ко мне. А с чего бы Владу пытаться подойти? Я ему противен?

Эмоций было слишком много. Именно поэтому я вернул всё на свои места и сбежал по лестнице вниз. А потом к выходу.

На улице уже был поздний вечер, примерно восемь часов. Солнце скрылось за горизонтом. И единственным освещением на улице были лампы и свет из огромных окон. Холодный ветер обжигал лицо, пока я бежал от дворца культуры прочь, в лес, искусственно посаженный, но всё-таки лес. Я зашёл в него примерно метров на пять и вновь посмотрел на

руки. Они показались мне мерзкими. Наполненными теми тихими всхлипами, которые издавал Влад во время драки.

Нет.

Он меня не бил.

Тогда почему я решил, что это была драка?

Это было избиение.

Я как *Илья*.

«Ты же знаешь, я всегда помогу. Только скажи».

«...я всегда помогу...»

«...помогу...»

Нет! Я сделаю только хуже. Намного.

Подойдя к ближайшему дереву, я со всей силы ударил по стволу. А потом ещё, и ещё, и ещё, и ещё... Я не останавливался даже когда почувствовал, что костяшки пальцев были разбиты.

От тренера прилетит.

Похуй.

Руки устали, забились. Я повернулся спиной к дереву и оперевшись, спустился вниз. Боль и слёзы сковали тело. Уперевшись лбом в колени, я пытался остановить слёзы, но было тщетно. Они продолжали литься у меня из глаз.

Я вспомнил как это происходило на самом деле:

Поднимаясь на второй этаж, к актовому залу, я услышал возню и тихие выкрики. «За что?! Почему?! Зачем?!»

Я ускорил шаг и вмиг оказался там. Замер. Влад сидел верхом на моём парне и бил того по лицу и телу. Эти удары были не очень сильные. Однако это были удары. Ярость вспыхнула во мне. Я возненавидел его со всей силы. Подбежав и размахнувшись, я ударил Влада под ребро. Он тихо взвизгнул и немного отлетел.

Я сразу осёкся, ведь ударил того, кто был мне ближе всего. Но потом послышался тихий шёпот: «Отомсти за меня». И я сорвался и бил **лучшего друга**. Он постанывал, закрывал голову руками, но мне было всё равно. Один раз он лягнул меня ногой промеж моих, но сделал это случайно.

Я бил его по телу, по ногам, по спине и шее. Но не по рукам. Я не бил его по рукам и паху. Нельзя.

Вернувшись из воспоминаний, я не понял, что происходит. Это было странным таким чувством. Таким родным и в тоже время таким больным.

Я лежал на ногах кого-то и слышал тихую песенку, по которой сразу определил кто это.

...в кофе перемешивая грусть, надевая изо дня в день улыбку, встречи глазами, нежная боль, пытка, безумие солёных комнат, сиреневый туман слушает твой шепот, холодная льдина надежды тянулась тонкой ниточкою веры, а небо плачет дождём никак не может понять, почему мы не вдвоём. Докурю небо. Докурю весенний рассветузкие джинсы, рубашка, кеды, и меня больше нет. Помятое время надежд...

Это был Влад. Он пел её, немного поглаживая меня по голове. От этого я разреvelся у него на руках. Он подтащил меня чуть ближе. И заковал меня словно моя мама в своих ласковых и тёплых руках.

— Поплачь, поплачь. Я тебе разрешаю. Ты и так был очень сильным, очень долго, —

прошептал возле самого уха. Он продолжил напевать песню, не используя голос, лишь мягкое мычание.

Я открыл глаза. Свет залил взгляд, ослепляя. Я лежал на своей кровати и слёзы лились из глаз, а левая рука обнимала огромную подушку-дакимакуру с изображением Йоичи. Вся подушка была мокрой от слёз.

Перевернувшись на правый бок, взор упал на нашу с Владом фотографию, поставленную в рамочку с дельфинчиками. Меня окутала тоска. Такая родная и обжигающая. Это был подарок от него на мой день рождения. Фотография была уже вставлена в рамку, именно поэтому я не стал запариваться, и поставил её сразу. Чтобы каждое утро просыпаться и видеть то счастье.

Как же я хочу увидеть Влада, посмотреть в его наполненные любовью глаза, почувствовать заботу и ту теплоту, с которой он ко мне обращался. Взяв телефон, я разблокировал экран. Меня встретил мой парень, он улыбался яркой улыбкой, которую я еле-еле выпросил у него сфотографировать. Но мне не хотелось его видеть. Хотелось посмотреть на Влада.

Открыв галерею и пролистнув арты полуголых Йоичи с Кейтаро, я остановился на совместных фотографиях. Они были такими яркими, не только из-за того, что это было первое сентября, но и из-за того, что это были памятные фотографии. После них я мы продуктивно погуляли: дошли до площади Маркса (50 километров от школы), зашли в торговый центр, купили книг, а потом, пока никто не видит, признался в своей ориентации.

Тогда я сильно смущался. И очень долго решался на это, ведь это не просто признание. Он мог отвернуться от меня, бросить, как это делали другие. Но он обнял меня, прижал к себе очень близко, похлопал по спине и сказал: «Я очень рад, что тебя теперь ничто не гложет».

Но как Влад понял, что это терзало меня долгое время?

А потом я вспомнил наши перемены. Наши радостные дни. Я вспомнил, как много раз подавал ему руку, когда он падал. Наши посиделки в столовой. Вспомнил его улыбку. То, как он подарил мне дакимакуру с моим любимым персонажем.

«Я лишился этого? Может, можно что-то исправить, сделать лучше?»

«Нет, это конец. Я не прощу тебя», — голос в моей голове принадлежал Владу. Он не был злым, не был добрым, просто неживой. *«Я никогда не делал ничего из рук вон выходящего без причины»*

«Но, тогда, в столовой, ты же опрокинул на пацана суп. Специально».

«А ты забыл? Он же тебя за спиной обсирал, говорил какое ты ничтожество. Мне ничего другого и не пришло на ум»

«Но... Тогда, что с подвигло тебя в этот раз?»

«А это важно?! Ты уже всё равно не вернёшь. Ты не представляешь, как больно мне было, не физически. Ведь я верил тебе, знал, что никогда не ударишь. А что ты сделал? Променил дружбу на хуй!»

Он был определённо прав. Это я во всём виноват.

Перевернувшись на левый бок к Йоичи, я обнял его со всей силой и тихо заплакал. *«Ничего плохого в слезах нет, просто подойди ко мне и выскажи мне всё, что у тебя на душе, или просто постой. Тебе станет лучше. А если меня нет рядом, вот тебе дакимакура, обнимай её, плачь. Это поможет тебе справиться совсем. Я верю в тебя, ты очень-очень сильный»,* — сказал Влад мне на день рождения, держа в руках эту подушку. В тот день я

никогда не спал без неё. А этот день был первым с того момента, как мне приснился грустный сон. До подарка они постоянно мучали меня.

Зазвенел будильник. Я не использовал телефонный, ведь просто-напросто не просыпался. Но так не хочется вставать сейчас, когда так плохо, а кровать такая тёплая...

Звон всё продолжался и продолжался, чем очень сильно бесил. В момент я не выдержал, взял подушку и, не смотря, кинул в часы. Они со звоном упали, послышался треск.

Развернувшись, я увидел, что часы лежат на полу, их стрелки остановились на девяносто три, а подушка находится в нескольких сантиметрах от рамки, готовая скинуть её на пол. Вскочив на ноги, я подбежал к ним и, убрав подушку, поставил их на место часов. Рамка тут смотрелась куда лучше.

Делать было нечего. Я уже встал вместе с маленьким Димой. Ванная находилась буквально за поворотом, но всё равно не стоит выходить из комнаты со стояком. Но может его получится как-нибудь замаскировать?

Я подошёл к шкафу, открыл ящик Влада. Да, у меня есть его ящик. Из-за того, что летом мы часто остаёмся на ночёвку. Он никогда не брал вещи из своего ящика, надевал мои, а я часто надеваю его, хоть те вещи, которые для него нормальные, для меня немного обтягивают. Две слезинки скатились по щекам.

А мы теперь будем собираться? Как раньше?

Хочу увидеть его в своих вещах.

Порывшись в аккуратно сложенных стопочках, что было нехарактерно для остального моего шкафа, я достал серые мешковатые штаны, которые Влад принёс мне относительно недавно, когда я возмущился тем, что он отбирает мои трико от пижамы (я её никогда не надевал, даже при нём). Надел и посмотрелся в зеркало: утренний стояк хоть и был виден, но не был так заметен. Выйдя в коридор, я быстро прошмыгнул в ванную, закрылся на щеколду и начал приводить себя в порядок: почистил зубы, помыл голову, аккуратно уложил волосы и, только хотел было выходить, как на телефон пришло смс. Оно было от моего парня.

Артём (10:07): Доброе. Ты как? Пойдём гулять?

Дима (10:07): Дб. Нет, плохо себя чувствую

Артём (10:08): Ну ладно тогда. Я с Федей и Серым тогда пойду

Дима (10:08): Ок

Это и было нашим с ним общением. Не вижу здесь ничего романтического, но оно было приятным. И сейчас довольно нужным.

Я посмотрел в зеркало. Что-то показалось мне немного странным, но понять, что, у меня не получилось.

Никуда не хочу идти. Тем более, сегодня суббота. Выходной день для меня. Взяв вновь телефон в руку, я посмотрел на число. **5.10** — сегодня суббота — турнир у Влада. Первые соревнования за два года, которые я не посещу. И всё из-за меня.

Я вышел из ванны, зашёл в кухню, сделал бутерброды: хлеб, тонкий слой майонеза, маленький кусочек колбасы и кусочек сыра. Поставил его в микроволновку на минуту и достал банку с цикорием. Насыпал две ложки и добавил три сахара, перемешал и залил кипятком. К этому моменту микроволновка закончила свою работу, и, достав три горячих бутерброда, которые немного шипели от температуры, направился в свою комнату. Отца не было видно.

Зайдя в комнату, поставил кружку и тарелку на рабочий стол, стоящий напротив

кровати, запер дверь и достал дневник — чёрную обтянутую кожей тетрадь. Это был кладёз моих эмоций и переживаний, без особой грамматики и разделения на абзацы, как делают нормальные люди. Это просто был сплошной текст, с разными датами.

Перевернув первую страницу, я прочёл надпись, которую в нём оставил Влад: «Ну, а что говорить?.. Ну... Полярный!» Он часто читал мой дневник и оставлял очерки на полях, иногда рисовал в нём.

Привет дорогой дневник. Это очередная запись в тебе, но в этот раз её наврядли прочтает её. Хуёво мне. Очень. Заебался не хочу ничего делать. Разругался с Владом, он меня наверняка ненавидит, ни́хочет видеть и всё такое. А я просто... просто хочу с ним обзаться. Я виноват. Очень сильно. Мне не надо было его бить, не надо было срываться...

Здравствуй, дорогой дневник. Как у тебя дела? Готов ли ты выслушать мои изречения? Знаешь, я вот сижу сейчас, рыдаю, а слёзы капаят у меня из глаз. Прости меня за это. И прости, что такой никчёмный, ничего не могу и всегда делаю всё только хуже.

Эту запись никогда ник-то не увидит. Ведь она супер-дупер-мега-убер-секретная. Как и ты. И даже Дима не узнает. Сейчас будет обращение от меня к Диме, так что прошу тебя, стерни это.

Привет, Дим. Как ты там? За несколько сотен километров? Хочешь, поиграем? Сходим погулять? Нам отменили турнир. Нет, не отменили, просто я вчера потянул мышцу на тренировке, так что... Мы можем провести время вместе.

Нет, я не хочу представлять, будто ничего не случилось...

Может можно как то это решить. Я могу находиться рыдом или просто стоять, наблюдать. Но он же сидит на своём месте никуда не двигается. И не смеётся не говорит как зомби...

Я ничего не делаю. Я боюсь сделать тебе больно. И мне нельзя быть весёлым, ведь виноват то только. Я. Я во всё виноват. И ты прости меня. Я виноват! Я! Я не имек прощения! НЕТ! НИКАКОГО ПРОЩЕНИЯ МНЕ! ПРОСТИ!

Я просто хочу вновь общаться. Вновь спорить.

Ведь ты не догадываешься, что я до сих пор берегу те воспоминания с нами. Помню как ты признался. Помню то фото, на котором написал пожелания, а потом постыдился и подарил вместе с рамочкой. Я берегу всё, что ты мне подарил, но этого не показываю. Прости. Прости что я такой эгоист.

Я могу прийти ему. Или... Или не знаю. Я не знаю! Но я так хочу с тобой пообщаться. Я хоть и подхожу в той компании в которой я сейчас нахожусь. Они роют мне яму. Именно по этому я там не на своём месте. Я хочу быть с ним. Общаться. Смеяться. Просто с ним молчать. Но это будет намного приятней чем быть с Артёмом. С Владом я — я. Понимаешь? Я — Я. Никто другой.

Я не заметил, как слёзы текли из моих глаз. Как они падали на страницы, делая их неровными. Но ощутил это облегчение — пустоту в груди.

Хочу спать.

Я посмотрел на часы. Было 11:57 и шесть исписанных страниц, одну из которых заполняло одно предложение из трёх слов: «Хочу увидеть Влада».

Встав со стула, я моментом рухнул на кровать. Прохладное постельное бельё обняла своим холодом, заковав в своих объятиях, погружая в самые прекрасные для меня пучины снов. Я лёг немного удобней: верхней частью одеяла накрыл верх, а нижнюю заковал между ногами. Это мой обычный стиль сна.

Закрыв глаза, меня унесло в пучины бури — кошмар.

Влад(за час до написания дневника)

Я сел за компьютер делать домашнее задание по русскому языку. Оно было не особо сложное, примерно на десять минут. Но тут в комнату ворвался отец, схватил меня за руку и начал кричать.

— Какого чёрта! Ты должен был идти на турнир! А не хуйнёй страдать!

— Но... Нога...

— Да какая нахуй нога! Все люди как люди! Вон Игорь с температурой под сорок танцевал! И ничего, не умер! — он был очень злой. — А у тебя всего лишь растяжение! РАСТЯЖЕНИЕ! И ты тут сидишь!

— Но... — удар прошёл звоном по ногам, отец немного промахнулся ремнём. — Не надо, пожалуйста, — тихо прошептал я, пятившись к стене.

— Какой нахер тише! Ты блядь кусок говна недоделанный! Блядина! — он шагал очень громко, брат, несколько секунд назад сидящий на своём стуле за столом, забился в угол под столом.

— Папочка, прошу...

Удар прилетел в колени, и ещё один, ещё один. Я рухнул на пол, слёзы полились из глаз, что поймали испуганный взгляд брата. Он с ужасом смотрел на меня, на то, как по спине, рукам, голове ходит ремень и пряжка. Его глаза наливались слезами. И я ему сказал, одними губами:

— Всё будет хорошо, не переживай. Он тебя не тронет, — он умел улавливать даже самые малейшие движения губ. Именно поэтому я всегда матерился при нём только в голове. Ведь он поймёт. Потом я посмотрел в его глаза. Он всё ещё был напуган. Я улыбнулся. От этого отец разозлился пуще-прежнего.

Я закрыл голову руками, а удары шли недолго. Я не давал ему повода продолжать: не кричал, не молил успокоиться, не улыбался. За несколько лет я уже понял, что этого делать нельзя. Ни при каких исходах.

Удары нарывали, словно сдирали кожу на всём теле. Они обжигали и замораживали каждый синяк, разрывали капилляры. На ноге разорвалась вена. Это я почувствовал довольно отчётливо. Один из ударов пришёлся в основание черепа, в выпирающую у меня косточку. Потом в пальцы рук, находящихся чуть выше.

— К чёрту, как был подонком, так им и останешься, — сказал отец тихо из-за отдышки. Он вышел из комнаты. Мамы нет дома.

— Братик, бра-ати-ик, — позвало меня маленький зверёнок из-под стола. — Вставай. Пожалуйста.

Я не мог. Не мог говорить и двигаться. Не мог дышать. Было больно. Я мог только чувствовать, как из пары ран на теле сочится кровь, как мой брат поднимает футболку. Я видел, как он в ужасе убежал в зал за аптечкой. Я слышал, как отец отъезжает от дома на своей машине.

Потом вновь увидел брата. Он бежал ко мне, держа в руке перекись водорода и несколько ватных дисков. Чувствовал, как перекись начинала жечь кожу. Как брат стягивал с

меня остальную одежду. Как он причитал из-за моего веса и синяков.

— Прости, — сказал брат тихо, — прости, что не мог ничего сделать. — Слёзы полились из его глаз.

— Ничего. Всё нормально, просто иногда так бывает.

Качели покачивались.

— Падонок, — прошептал я. — Ненавижу тебя по сей день. Тварина. Уёбок, блядь.

Я часто проклинал отца. Но глубоко в сердце был ему благодарен. Я стал таким только благодаря ему. Хотя... Не скажу, что я себе таким нравлюсь.

Поднявшись с качелей, я сел на пол. Потом лёг и закрыл глаза. Я так давно мечтал так сделать. Но никак не находилось времени или возможности. Или и того, и того вместе взятого. Так не хочу ничего. Просто... Всё не просто. Всё очень не просто.

И то, что я вспоминаю всю эту пошлость в жизни — доказывает, что я до сих пор не в порядке. Как там сказал Илья? У меня дереализация с деперсонализацией?! Может быть...

Илья... Илья...

Скажи, почему всё это произошло? Чем я провинился?

А ты, Максим, что я сделал не так? Что я вообще сделал.

Дим. Прости ещё раз. Сколько бы лет не прошло, не могу перестать извиняться. Прости, что тогда оставил тебя. И перестал общаться. Прости.

Я открыл глаза, безоблачное ночное небо рухнуло. Миллионы звёзд, что не так давно казались такими далёкими, стали как на ладони. Я поднял руку и вытянул её. Как же я хочу поймать каждую.

Раздался звонок телефона. Не смотря на экран, я ответил на него.

— Ало? Ты где? — это был тихий шёпот.

— Да, привет. Вот гуляю. Скоро приду, — тепло залило мою грудь.

— Ты давай уже сейчас. Поздно.

— Нет. На улице просто поразительно. Лучше ты выходи.

— Не, мне и тут, в кровати нормально. Тогда давай так: я закрываю на это глаза, а ты вернёшься домой под утро, пока все спят. Ок?

— Хорошо. Сладких.

— Сладких, целую.

— И я тебя, — положив руку, я поднялся с земли и сел на лавочку, одухотворённый, и начал вновь вспоминать.

ГЛАВА VII:... КОГДА ТАК МНОГО ЛЮДЕЙ БЫЛО РЯДОМ

Порой жизнь окрашивается в черный цвет. День кажется ночью, на сердце грусть и пустота. Но жизнь — это самый прекрасный подарок. И даже в самую темную ночь находится звездочка, чтобы осветить нам путь...

Мятежный дух (Rebelde way) (2002)

Влад: Привет... Я знаю, что я последний человек, которого ты хочешь услышать сейчас... Я просто очень скучаю по тебе. Очень сильно. И я не могу перестать думать о тебе. Я просто понял... Просто пишу тебе, чтобы узнать, что ты в порядке. Я — нет. Мне очень тяжело без тебя. Я счастлив, когда смотрю на твою улыбку. Это красит тебя. **ОЧЕНЬ** сильно. Ты великолепен. Я всегда здесь, если ты нуждаешься во мне. Ты ведь помнишь это? да?

Я смотрел на экран своего телефона и не мог решиться отправить это сообщение Диме. Так было тоскливо на душе, лежа на больничной койке. С того дня, как отец избил меня, прошло чуть больше пары дней.

Братик вызвал мне скорую, ведь не смог справиться. Тогда он мне сказал: «Прости. Не могу справиться. Стоит вызвать скорую».

Но я запротестовал. Умолял этого не делать. Ведь все догадаются, что это отец меня избил. Но он мне сказал, что перенесёт меня на улицу. И скажет, будто на меня напали.

Нам поверили.

Меня спасли. И я сейчас лежу под капельницей. Родители пару раз приезжали ко мне. Но я так хочу увидеть Диму. Расплакаться ему в плечо. Рассказать всё. Поговорить. Хотя бы просто посмотреть. Даже если он будет злиться.

Я смотрел на экран телефона. Влад набирал сообщение. Но в момент остановился. Хочет извиниться? Или попросить прийти? Что он хочет?

Я сидел в своей комнате уже несколько дней. Не ходил в школу. Я вспоминал гневные сообщения парня. Как он ненавидит меня, за то, что с ним не гуляю. Я не заходил в классный час. Который разрывался от сообщений. Тошно. Влад там всё равно никогда не писал. Но может?

Палец прошёл по экрану снизу вверх. Я зашёл в Ватсап. Пятьсот пятьдесят одно сообщение. Пятьдесят два... Пятьдесят три. Четыре.

Я нажал на него. Все говорили, что Влада нет в школе. Обсуждали его. Делились мнениями. Были в недоумении. Но вот, на пятьсот пятьдесят седьмое Ксюша написала:

Так он же в больнице. На него напали.

Моему шоку не было предела.

Дима: Не знаешь в какой?

Ксюна: Вроде в 11. Но это не точно. Он мне только это написал.

С каких пор Влад общается с Ксюшей? Она стала ему заменой меня? Ну да. Куда уж там. Не удивлён.

Дима: Я к нему.

Алина: Не вижу смысла.

Я проигнорировал сообщение и, выбежав из комнаты, быстро начал одеваться. Отца не

было. Он у соседа.

Выбежав из комнаты. Я вбил в поисковик одиннадцатую больницу. Сорок одна минута.

Я лежал на кровати, гипнотизируя телефон. Вновь и вновь перечитывая, что написал. «Нет. Я этого не отправлю. Он явно злится на меня». Лёгким нажимом кнопки «Delete» стер сообщение.

Когда я положил телефон на тумбочку, на маленький листок бумаги, на котором написал уже второе письмо Диме, в комнату зашёл доктор. Он был как обычно в белом халате, а усталость читалась по напряженным плечам, которые были чуть выше подняты, чем когда он приходил утром. Он подошёл ко мне и промолвил:

— Время дневного сна. Я вколю тебе снотворное, чтобы легче уснул. Хорошо?

— Да, спасибо, док, — я попытался улыбнуться, но получилось это криво.

Он ввёл к капельнице шприц снотворного и через несколько минут я уснул.

— Здравствуйте. В какой палате Шевчук Владислав Викторович? — у меня не получилось выровнять дыхание. И поэтому фраза прозвучала отрывисто и резко.

— В двадцать третьей. По коридору и налево.

— Спасибо, — девушка протянула мне белый халат, попросив надеть. Я согласился.

Бег раздаётся по одиноким больничным коридорам, выкрашенным белой краской. Редкие люди расступаются передо мной. И вот я поворачиваю на лево и сталкиваюсь с кем-то. Мы падаем на пол и тихо вскрикиваем. Голос этого человека мне кажется знакомым.

— Ты вообще смотришь куда несёшься, — это Илья.

— Прости. Сильно спешу. — Я поднимаюсь на ноги и подаю ему руку. Он ударяет по ней и поднимается сам.

— Что ты тут делаешь?

— К Владу пришёл.

— А он в больнице?

— Да, — меня разозлило то, что он не знает об этом. Половина параллели трубит об этом. А он не знает?! — Ты по какому поводу тут.

— Друга навещал. — Сказал он, и хотел было пройти, как я поймал его руку, остановив. Злость заискрилась в моём сердце.

— Не стыдно тебе?

— А почему мне должно быть стыдно?

— Ты его бил! — воскликнул я.

— Ты не знаешь всей ситуации. Пусти, — он вырвал руку и спокойным шагом направился к выходу. Я хотел его остановить, но не стал. Пошёл к чёрту.

Я побежал по коридору дальше. Белый халат развивался. Двадцатая, двадцать первая, двадцать вторая, **двадцать третья**. Я хотел было отворить дверь и прокричать, что очень скучал. Но меня остановил врач, тихо идущий по коридору.

— Он только уснул.

— Но... можно мне хотя бы.

— Если только не долго, — он оборвал меня на полуслове. И тихо открыл дверь. — Только пожалуйста. Тихо.

— Хорошо. Спасибо.

Я зашёл в хорошо освещённую комнату. Всё с теми же белыми стенами. В ней стояла

кровать у самой стены. А на ней лежал Влад. Он был полностью прикрыт одеялом, только голова выглядывала. Я подошёл чуть ближе. Сел рядом. Засунул руку под одеяло на уровне таза. Там лежала его рука. Я вытащил её и положил меж своих. Увидел те синяки и кровоподтёки. Слёзы подкатили к глазам. Совсем незаметно.

— Владик. Я могу немного поплакать? — он ничего не ответил. Средний палец на его руке дёрнулся. Я не выдержал и тихо заплакал. Боль сдавила грудь, не давая вздохнуть. — Прости меня. прости, ради бога. — Влад молчал. Я понимал, что он спит и не может ничего сказать, но так хотелось почувствовать его обычную теплоту, от которой всегда становилось легко и радостно на душе. Я смотрел на его синяки и раны. От этого становилось ещё хуже.

Я посмотрел на прикроватную тумбочку. На ней лежал телефон с каким-то листом бумаги. Это был лист размером А4, аккуратно сложенный в два ряда, на верхней стороне которого было что-то написано. Я протянул руку, но в момент осёкся. Может быть это вообще не мне. Нельзя читать чужое. Нельзя ведь? Как же интересно.

— Я могу это прочесть? — спросил я у Влада. А он всё также лежал на спине, тихо дыша. Не дождавшись его ответа, я приблизился к листку. На нём было написано: «Диме»

Он написал мне письмо? Я взглянул на Влада. Интерес разгорелся пуще прежнего. Убрал телефон с листка. Я Аккуратно развернул листок. И начал читать.

Привет, Дим.

Если ты это читаешь, то ты всё-таки решил навестить меня. Потому что я собираюсь уничтожить это «Письмо», как только выйду отсюда.

Сложно это писать, ведь понимаю, что я виноват в той ситуации. Наверное, для тебя это звучит как будто я эгоист. Прости меня за тот случай. Мне действительно сложно без тебя. Но, наверное, ты сильно ненавидишь меня. Я действительно плохой друг.

Я устал. Я устал без тебя. С тобой было так легко и весело. И я лишился этого, не подумав. Прости меня. Прости. Я очень плохой друг. Прости. Я не хотел этого делать, но злость вскипела во мне. Я не сдержался. И получил по заслугам. Прости. Я не хотел, чтобы ты обжигался об эти чувства. И поэтому не нашёл в тот момент ничего лучше. Прости.

Я хотел бы вернуть всё то, что было между нами. Те прекрасные дни, когда ты гулял со мной, когда обсуждал девушек. Я очень сильно хочу с тобой поговорить.

Я попрошу тебя только одно. Будь осторожнее с Артёмом. Он не совсем честный человек. И поэтому, пожалуйста, будь осторожен. Я просто не хочу, чтобы ты сильно обжёгся, как это происходило с многими твоими «друзьями».

С любовью, Влад.

Под конец письма у меня усилились слёзы. Он тоже хочет поговорить.

Небо всё так же обрушалось на меня, только было так тепло от того звонка. Он помнит обо мне и беспокоится. Теперь я понимаю, что влюбляюсь всё больше и больше. Спать не хотелось.

Я встал с лавочки и пошёл по улице. Миллионы мыслей вновь крутились у меня в голове, не давая сосредоточиться. Я достал наушники и надел. Заиграла моя любимая мелодия «Lovely» за авторством Билли Айлиш. Эта песня сопровождала меня на протяжении очень долгого количества времени, став эталоном самой лучшей песни для прогулки ночью по улицам. Я же не говорил, что я — пай-мальчик. Мне приходилось частенько сбегать из дома. В особенности, когда меня звал Максим. Сейчас это кажется мне довольно глупым и тупым, но тогда... Невероятно романтичным и важным.

Лёгкий ветерок пробежал по спине, вызвав мурашки. Одинокие фонари хорошо

освещали улицу. Я был на ней один. Это казалось мне магией. Как огромный мегаполис, в котором всегда бурлит жизнь, замирал на несколько часов. Как вся это движуха на улице, хоть и в спальном районе, утихает. Неслышно ни одного крика ребёнка или лая собаки. Все спят. И даже сквозь музыку я ощущал эту пустоту улиц и непомерную тишину, окутавшую всю Москву.

Редкий прохожий не обратил бы на это внимания, если бы только так же, как я, не гулял в своих воспоминаниях.

Уже не было этих укорительных возгласов разума о своём ничтожестве. Не было маленького мальчика. Не было тех проблем, что грузились на плечи, несколько лет назад. Не было слёз, только приятная тишина чувств, иногда играющая на струнах души давно забытый романс. Только я. Здесь был только я и никого другого. Никаких криков, шума, споров. Одиночество, наконец, наступило. То самое одиночество, которое я желал последних два года. Все фибры души, серебряные или хрустальные, располагающиеся перпендикулярно телу, точно пронзающие — они подпевали мелодии своим тоном. Как же тепло...

Не знаю, долго ли это продлится, но одно я сказать точно мог: **ОН** спас меня от того, что бы я, как пепел разлетелся по ветру, гулявшем на двадцать пятом этаже. **ОН** спас меня от скрипки и от закалки кипятком. **ОН** снял замок с огромной дамбы, которая вот-вот рухнет. **ОН** устоял перед потоком, что снёс бы любого, и поймал, когда этот порыв хотел унести меня. Спасибо, что спас, что помог и теперь рядом.

ГЛАВА VIII: Я МОГУ...?

*больше всего на свете
я хочу спасти тебя
от себя самой
рути каур. milk and honey*

Ночной город завораживал. Он заморозил меня своим затихшим ветром и словами влюблённых, которые раздавались на его улицах, буквально пару часов назад.

Поставив бутылку пива, я свесил ноги с крыши дома, мой собеседник сделал тоже самое.

— Скажи, почему ты его полюбил?

— Чёткого ответа на это нет. Ведь я любил его, когда ненавидел себя. Когда голос мой в крови, когда резкий, как гром и слаб, как фарфор. Когда я бросал всех на произвол, он был вбит в моё сердце плачущим мечом, как кол. Я люблю его, даже если он предпочитает мне другие имена, их лица, другие города, в которых нет моих амбиций, других мужчин и женщин, что взывают к нему на рассвете дня, — парень говорил это очень тихо, почти одними губами, — Я люблю его по сей день, как себя.

— Ты в этом уверен?

— Да. Я никогда в своей жизни не был настолько уверен, как сейчас. Да, я сделал много говна, — *глоток пива*, — и я сожалею обо всём. Но его уже не вернуть...

— Ты же даже не пытал...

— Я сломал ему жизнь! Как ты этого не понимаешь!

— Ты помог ему стать тем, кем он является сейчас. Разбитым, но в тоже время склеенным. И он больше не совершит ошибки.

— Ты считаешь, что то время, которое он провёл со мной — ошибка?

— Да. Это самая страшная ошибка в его жизни... — я встал и направился к лестнице. — Знаешь, он не рассказывал мне всего. Но я точно знаю, что Влад помнит каждую минуту, проведённую с тобой, каждый твой поцелуй. Ведь именно ты тогда подарил ему этот мир. — Моя походка стала шаткой и медленной. Я споткнулся и начал падать. Но в последний момент меня подхватили и прижали к себе.

— Дим, может, станешь моим парнем?

— Я не совершу той ошибки, которую совершил Влад. Прости, — я вырвался из объятия и поковылял к лестнице.

— Я улетаю сегодня.

— Куда? — бросил я через плечо, но мне это было всё равно не интересно.

— В Москву.

«Может всё-таки позвонить?» — вопрос ворвался в пустоту мыслей и загремел фанфарами. «Нет, он, наверное, спит. Не буду его тревожить».

Гуляя по улице, я не заметил, как вышел на маленькую набережную, которая заканчивалась большим подвесным мостом. Речной ветерок обдал приятной прохладой, которая гуляла среди прядей волос. Я решил присесть на лавочку. И вновь оказать в приятных мне днях...

Мы провели с ним так много интересных вечеров. Я, конечно же, говорю о Диме. Когда он пришёл ко мне в больницу, то показалось таким романтичным. Таким правильным и хорошим, что сердце готово было вырваться и закричать от радости. Он не злится.

Мы говорили много, много и долго. Обсудили всё, что произошло, что сводило с ума.

А после мы встречались с ним каждый день, до выписки из больницы. Он был таким добрым и заботливым. Никогда не забуду его тёплый, приветливый взгляд, с которым он смотрел на меня.

Все синяки зажили, и я вернулся в спорт. Да, на восстановление ушло слишком много времени, но всё равно.

Прошло несколько недель

Ох уж этот запах турнира... Я всегда его любил. Эта смесь лака для волос, пота, пудры и паркета. Они в смеси создавали неповторимый ни одним парфюмером запах, который мне так дорог. Думаю, если бы такой парфюм создали, и им пощикался какой-нибудь паренёк, я бы точно влюбился в него, точно так же как и в соревнования.

Да, я частенько бываю на турнирах, но этот трепет в сердце **никогда** не погаснет. Каждый шорох, каждая мелодия, каждый костюм отпечатывается в голове, словно новый. Хотя никогда ничего не меняется. Все те же платья, фраки, рубашки, причёски — всё это каждый раз ощущается по-новому. В особенности крики поддержки, звучащие с разных сторон паркета. Блаженство, хоть ни разу они и не звучат в сторону меня.

Я стоял у входа на паркет, уже переодевшийся в жилетку, белую рубашку, чёрные штаны и туфли, кожа которых была начищена мной до блеска. Рядом стояла моя партнёрша с надменным лицом, будто она королева паркета. Никто не уронил на нас ни крупинцы внимания. Все были сами по себе. И только тренер говорил нам, что мы должны держать рамку, активно двигаться. Я знал, что это не поможет, ведь когда ты на паркете ни одной мысли в голове не может быть. Только чувство окружения, память мышц и стресс, вызванный огромным количеством людей.

— Второй заход, — огласил диктор в микрофон, и заиграла новая мелодия. Пары потянулись на паркет, подхватив меня за собой. Волшебно.

Исполнить композицию у меня не составило и труда. Но вот то, что на паркете было пятнадцать пар на маленький паркет — проблема ещё та. В таком момент нас можно было представить рыбками — сардинами, плотно упакованными в упаковку. Было тесно, пары постоянно сталкивались, и это не внушало энтузиазма. Хотелось взвыть от досады и боли, когда одна из них столкнулась со мной. Мне прилетело в спину локтем одной из партнёрш. Было больно, но кто меня спрашивает, ведь так?

Когда я танцевал, я постоянно посматривал на тренера, она, Нина Степановна, была явно зла. Это читалось даже не по определённым признакам, по типу заламывания пальцев или напряжённым плечам. Нет. Всё было написано на лице. Что я делал не так?

Выйдя с паркета стирая пот со лба, я направился к тренеру. Овации звучали довольно долго, но это не помогало. Настроение было паршивое. Она кричала, говорила, что мало думал и вообще ничего не добьюсь, если буду бездумно танцевать. Она назвала меня идиотом, пару раз ударила меня по плечу. Она говорила, что танец был тяжёлым, не кадычным, неправильным. И вообще я никуда не пойду дальше. И что мы могли лучше.

Не хотелось ничего: ни есть, ни пить, ни говорить. Просто ждать, что покажет результат. Хотелось выть от досады. Почему у меня ничего не получается? Я же всего лишь хочу быть сильнее в танцах. Почему? Почему я всё ещё не сдался?

Так прошло несколько долгих минут. Потом появились результаты.

22. Юниоры 2+1

127|1|1|1|1|1

145|1|1|1|1|1

152|1|1|1|1|1

171|1|1|1|1|1

173|1|1|1|1|1

174|1|1|1|1|1

175|1|1|1|1|1

182|1|1|1|1|1

183|1|1|1|1|1

185|1|1|1|1|1

186|1|1|1|1|1

187|1|1|1|1|1

Номера 172 — нет. Я не прошёл. Почему? Потому, что я слаб? Потому что я пролежал в больнице? Папа будет ругаться...

Подойдя к тренеру и сказав о результате, он психанул и, развернувшись, ушёл. Но нечего было делать, я собрался, переделся и пошёл домой. Поход оказался недолгим.

Зайдя в буферную зону, я разулся и сразу направился в ванную. Не хотелось ничего, кроме горячего душа. Я посмотрел в зеркало, немного облокотившись на раковину.

— Они заставляют меня думать, но этот хлам, — я постучал по голове, — не работает. Хотя всё из-за меня. Это я теперь хлам. Я никуда не похужу. Никому не нужен, — слёзы потекли из глаз.

Меня ценят и признают мои заслуги.

Но это всего лишь моё «я», играющее эту роль ради признания.

Это не настоящий я.

«Твоё истинное «я» всегда плачет, не так ли?»

Да, но я счастлив.

«Я счастлив?»

Я счастлив.

«Я счастлив?»

Я и в самом деле счастлив.

«Я СЧАСТЛИВ?!»

Нет. Это не счастье.

«Что есть счастье?»

Это не я. Это не настоящий я. Я просто не хочу смириться с действительностью.

«Что такое действительность?»

Это не я.

Мысли крутились в голове, как бешенные, когда одна из них не закричала громче всех:

«Покажи меня!» — голос был тихим и детским.

Что?

«Покажи меня.»

Я не понимаю.

«У тебя есть Дима. Ты можешь ему всё рассказать.»

Нет. Я не буду нагружать его проблемами, у него и своих достаточно.

«И всё равно покажи.»

НЕТ!

Голос вновь сменился, но на этот раз очень тяжёлым и низким.

«Почему ты такой слабак?»

Но... Я делаю всё, что в моих силах.

«Ты делаешь недостаточно!» — постепенно он начал становиться отцовским.

Но я, правда, стараюсь. Честно.

«Я сказал недостаточно!» — голос кричал и вкладывал всю ненависть, что он только мог.

Но...

Раздался звонок телефона, который отпугнул миллион голосов, звенящих, словно колокола одинокой церкви. Мелодичный гудок избавил меня от того ада, что воцарился в моей голове. Взяв телефон, я посмотрел на экран: «Димочка». Да, мы с ним помирились, но в голове всё равно возникал этот ужасный момент в туалете.

— Ало? — тихо сказал я в микрофон телефона.

— Ало! Привет!

— Привет.

— Ну как там? Стой, не говори. Лучше приходи ко мне. Отпразднуем, — я посмотрел в сторону двери, потом на часы в телефоне. Отец вернётся через полтора часа.

— Не знаю. Может быть, приду.

— Не не знаю. И не может быть. Ты придёшь. Буду ждать.

— Да, хорошо. Я только в душ схожу.

— Окей. Буду ждать, — я положил трубку и забрался в душевую кабину. Холодная вода обожгла тело. Мысли отсутствовали, но и слава богу.

Вышел я довольно быстро, всё-таки не хотелось попадаться отцу. Брата дома тоже не было, ровно, как и матушки. Они уехали в магазин за продуктами. Надо-бы их оповестить, что я собираюсь к Диме. А то будут волноваться.

Я зашёл в мессенджер и набрал довольно короткое сообщение: «Мам, привет, я буду у Димы» Этого было достаточно, чтобы меня отпускали хоть куда. Даже если буду гулять один, она никогда не говорила против, если «рядом» Дима. Но в этот раз не хватает этого одного сообщения. «Буду у него с ночёвкой.» Всегда ставлю точку, когда не хочу писать ещё. И матушка этого понимала и, не печатая вопросов. Только отправляла какой-нибудь смайлик, что точно прочла.

Я собрался довольно быстро (мне на это понадобилось всего десять минут). Вещей тоже брал немного: только сменные носки, зарядку для телефона, пару футболок и бутылку лимонада, припрятанного на такой случай среди вещей младшего братика. Не думаю, что нам её хватит, но, я думаю, это лучше, чем ничего. Взял ключи, надел куртку и пошёл в сторону дома Димы.

Я достал телефон и набрал короткое сообщение: «Я вышел. Можешь встретить?»

«Да без б» — ответил он буквально через секунду.

Мы встретились с ним возле уже закрывшегося универмага, продавщица которого была невероятно добрая женщина. Раньше, когда мы были младше, а она, соответственно, была моложе, девушка угощала нас сосательными конфетками. Мне особенно нравились с лимоном, а Диме с клубникой. Сейчас магазин был закрыт. Его прикрыли года два назад из-за нехватки денег на аренду. Может это из-за нас и тех конфет?

Мы тихо дошли до дома, не проронив и слова. Поднялись на девятый — максимальный, этаж и направились к квартире 146. Дверь была приоткрыта. И Дима сказал: «Отец ушёл к другу. Мы с ним поругались, так что его не будет до завтра.»

Мы зашли в квартиру. Нос приласкал такой уже родной запах сигаретного дыма. Внутреннему убранству, которому, не хватало уюта. Да, всё самое необходимое здесь было, но ничего более. Словно квартира была съёмной. Это меня всегда и привлекало в «убежище» Димы. Да, я жил лучше него, но мне не хватало того, что есть у Димочки, а ему того, что было у меня. Это довольно странно, но мы уже привыкли.

— Я взял лимонад, — сказал я, когда Дима начал входить в свою комнату.

Дима

— Я взял лимонад, — сказал Влад, когда я преступил порожек своей комнаты.

— У меня есть кое-что получше, — ответил ему я, мой взор упал на неубранные салфетки. Забыл их убрать. Я быстро подошёл к ним и затолкал под кровать. Благо Влад не заметил.

— Ты чего такой красный? — спросил он меня, доставая из портфеля одежду и полторашку пепси.

— Да... — я посмотрел на окно, — тут просто душно.

— Странно... Но если тебе душно, то пожалуйста открой окно.

— А, да. Я это и хотел сделать, — напряжение нарастало с каждой минутой. Всё-таки то, что произошло между нами давало о себе знать. Я подошёл к окну, и прохладный ветерок окутал комнату.

— Ты говорил, что у тебя что-то есть.

Просунув руку между кроватью и батареей, я вытащил бутылку мартини, накануне украденную у отца. Он, вроде, ничего не заметил.

— Но... — не успел договорить Влад, как я его перебил.

— Без но.

Я достал стаканы, и мы, разбавляя сладостью сладость, выпили полбутылки. Уже смеркалось. Влада потянуло в сон, как и меня. Но мыслями мне не хотелось этого.

— Включи, пожалуйста, свет, — тихо попросил я Влада, еле стоящего на ногах.

— Ты по-прежнему боишься темноты?

— Нет. Просто... — перед глазами замелькали бесконечные фары машин, несущиеся по автостраде. Затем раздался громкий визг. Свет в комнате включился, разгоняя пелену перед глазами. Этот туман растворялся медленно, словно нехотя.

Мягкие прикосновения к лицу полностью вывели меня из этого состояния. Они были наполнены нежностью и заботой, той, которой не хватало мне очень долго. Влад смахивал слёзы. Это будто были руки матери. Как же я хочу её увидеть.

— Я здесь, я рядом, — прошептал Влад. И я заковал его в свои объятия, прижимая со всей силой. Послышались парочка щелчков, это позвонки встали на место, но Влад не издал и звука, а вывернул руки и обнял меня в ответ. — Я рядом, ты же знаешь. Ты можешь рассказать мне всё, что у тебя не так. Не сдерживайся.

Именно эта теплота мне и нужна. Именно её мне даёт Влад. Иногда так хотелось сказать ему «Спасибо», но он запретил говорить это. Ведь: «На то и нужен лучший друг. Ведь именно без «Спасибо» он обязан прийти на помощь.»

Я отпустил его, но объятия всё-ещё были крепки, Влад не отпускал меня. И только сейчас я почувствовал грудью, как намочла моя футболка из-за слёз. Он тихо плакал, даже не

дрожа.

— Эй, ну ты чего? — спросил я, но он мне не ответил. Только отпустил и неуклюже вытер свои слёзы руками.

— Прости. Я в порядке.

Влад

— Прости. Я в порядке, — тихо ответил я. Весь мир кружился, постепенно погружаясь в туман.

Вспомнился тот момент в ванной.

«Покажи меня!»

Я понял, что это значит. Я не покажу ему ничего. Не покажу боли. Не покажу больше слёз. У него и так много проблем. У него мама... Ему хватает и своих забот. Я просто не покажу этого ребёнка. Нет. Никогда.

Я попытался показать улыбку, но ноги подкосились. В момент меня подхватили на руки и аккуратно положили на кровать рядом с дакимакуррой. Потом Дима склонился над моей головой и поцеловал меня в губы. Или это было иллюзией?

Нет, я просто перебрал. Он не может такого сделать, ведь есть Артём. И вообще, как Димочка всё-ещё стоит на ногах после алкоголя?

Взгляд упал на рамку с фотографией. Он её так и не от...

Я провалился в сон.

Дима

Влад лежал на кровати, свернувшись в позу эмбриона. Это было чрезмерно мило. Я не заметил, как улыбка появилась на его лице во время сна.

Спать не хотелось. Хотя надо. Взглянув на часы, что теперь стояли в противоположной стороне от фото-рамки я убедился в этом: 2:35. Интересно, почему он расплакался? Что произошло? Или это из-за алкоголя и того, что вспомнил мой рассказ?

Отбросив мысли, я снял с себя футболку и штаны, выключил свет, но прежде зажёл ночник и лёг спать.

Я проснулся раньше будильника. Открыв глаза, рядом со мной лежал Влад, тихо посапывая. По его щекам текли слёзы. Дакимакура лежала в другой стороне, в то время как я обнимал Влада. По спине пробежались мурашки, а меня охватила паника. «Я обнимаю его?! Но...» Я легонько отпрянул от него и посмотрел вниз. Мои трусы были немного мокрыми, а стояк было видно невооружённым взглядом. «Блядь...»

Я попытался вытащить руку из-под спины Влада, но это не увенчалось успехом. Он проснулся.

— Доброго, — тихо сказал он, не поворачивая головы.

— Ты спи, спи, рано ещё, — «Не поворачивайся, прошу» — орал голос в голове.

— Хорошо. Только принеси мне водички.

— Угу. — Я быстро соскочил с кровати и надел штаны, первым делом направился в кухню. По спине пробежали мурашки из-за прохладного воздуха. Я достал две кружки и налил из водоочистителя воды, и так же быстро метнулся в комнату, по дороге немного разлив жидкость. Влад уже спал, и поэтому я поставил кружку рядом с кроватью, взял чистое нижнее бельё и вышел в ванную комнату.

Было стыдно перед Владом за это, но ничего нельзя было поделать, это уже произошло. Зайдя в ванную, я быстро разделся и забрался в душ. В нём было маленькое зеркальце, оно моментально запотело, как только горячая вода полилась из лейки. Я быстро протёр в него и

немного не узнал своего отражения.

Это я? Это моё тело? Да. Это оно. Но почему оно показалось мне незнакомым? Бред какой-то.

Я коснулся губ. Их поверхность была сухой, как и всегда. Я посмотрел вниз, член всё ещё стоял, и скорее всего не собирался расслабляться.

Что же делать?

Влад

Я видел, как он заходил повторно в комнату, как он поставил кружку и как второпях ушёл. Потом услышал, как плещется вода и как Дима выходит из душа. К тому моменту, как хлопнули дверцы душевой кабины, я оставил в кружке лишь половину воды, но голова всё равно-сильно болела.

В комнату зашёл Дима. Он увидел, что я проснулся и на его лице выступил румянец.

— Можешь подать мою сумку? — попросил я, и Димочка сразу исполнил мою просьбу. — Спасибо. Ты просто супер-дупер-лучший-друг.

— Ты... Тоже, — после этих слов я достал таблетницу и вытащил четыре капсулы. Три из них были с коллагеном, а одна — от головы. Взяв кружку и закинув все таблетки в рот, я запил их. — Ты как?

— Хреново, — повисло тяжёлое молчание. — Сколько сейчас времени?

— Шесть, сор... — Не успел договорить он, как на телефон позвонили. Дима взял его и сразу принял вызов.

— Привет... — он посмотрел на меня, — думаю, что сегодня не получится. Мы сегодня с Вл... — в момент он переменялся в лице. — Да хватит уже! Я имею право провести хоть один день так, как я хочу. Мы договаривались с ним заранее, и я не собираюсь менять планы. — И вновь молчание. — Давай завтра. Ну зай...

Весь разговор я с ревностью смотрел на Диму. Не хотелось слышать, как он называет своего парня такими тёплыми словами. Эмоции постепенно вскипали, становились яростнее и больнее. Мысли кричали: «Не мешай ему! Пусть гуляет! Парень важнее, чем друг!»

— Слушай, ты гуляй. Мне домой пора. Забыл тебе сказать, что мы с мамой договаривались, — сказал я Диме и, встав с кровати, начал собираться. Он следил взглядом, не отнимая телефон от уха. С одеждой я покончил довольно быстро, и выйдя в коридор начал обуваться.

— Стой! — крикнул он, но его слова отразились эхом в пустом коридоре, а потом и в лестничном пролёте. Я выбежал на улицу и бежал так долго, как только мог. Мимо пробегали весёлые дети, которые по непонятным мне причинам встали так рано в воскресенье. Голова начала кружиться, краски стали расплывчатыми из-за слёз. В один момент моя нога подвернулась, и я упал на землю.

Нос болел, коленки тоже. Не хотелось ничего, только плакать.

Какой я идиот! Идиотище. Ненавижу себя! Почему я так плохо поступаю с ним! Он же ради меня старался! Почему я такой идиот! Ненавижу себя! Зачем я делаю ему больно! Я же обещал! Да что со мной, чёрт подери, не так! Позор!

«Позорище семьи!» — вторил отец моим мыслям: «Ты блядь кусок говна недоделанный! Блядина!» — не унимался он.

Да, отец! Ты сука прав!

Поднявшись с пола, я отряхнул одежду и сразу же осмотрел её. Вроде нигде не порвалась. Я поднял с пола упавшую сумку, утёр кровь, сочившуюся из носа, и пошёл в

сторону дома. Отца не должно быть там. Дома должен быть братик.

Я дошёл довольно быстро. Не было бы ни одной причины, чтобы где-то задерживаться, ведь дома меня ждёт братик. Такой тёплый в своих объятиях и родной. Я хотел к нему попасть быстрее, заковать в объятиях, прижать и согреть свои руки.

Отворив дверь ключом, я проник внутрь, проскальзывая по коврикам словно вор. Но на пороге ждал меня отец.

— И где ты был?

— Я у Димы на ночёвке.

— Почему именно сегодня?

— Мы с ним договаривались, что после тур... — я осёкся.

— Я бы хотел поговорить с тобой по поводу этого самого турнира, — он показал жестом, что мне надо войти внутрь, — заходи.

Войдя в дом, меня встретил брат и моя мама. Они стояли с опущенными глазами, словно стыдясь.

Дальше мы прошли на кухню, оставив остальную семью за дверью в неё.

— Ну, давай, рассказывай, как результат? — спросил отец, садясь предо мной.

— Результат — не очень хороший, но Нина Ивановна сказала, что это было не плохо, — немного тихо ответил я.

— Нина Ивановна сказала? А у меня другая информация. Так что не ври, лучше говори честно, иначе хуже будет.

— Она... — замямлил я.

— Не мямли. Говори громко, как настоящий мужик с мужиком, — повысил голос отец.

— Она была не совсем довольна.

— И что сказала?

— Что мы могли лучше.

— Так почему не смог?! — взорвал он, — Почему ты такой никудышный! Ничего не можешь! Ты позоришь нашу семью! Я деньги плачу, в конце концов! Ты на Диму своего посмотри! Нормальный парень: сильный, стойкий и непреклонный! На него посмотришь и гордость в глазах! Он человеком растёт! А ты! — он указал на меня пальцем. — Ничего не стоишь! Слабый, не умеющий нихера делать! Нахлебник!

— Но...

— Без НО! — заорал он. — Вместо того, чтобы гулять, лучше чем-нибудь полезным занялся!

— Дорогой, — сказала мама тихим голосом, зашедшая в комнату, — Не перегибай палку.

— Да он не понимает!

— Не всё получается с первого раза. Ты это должен был уже давно понять.

— Он наш сын! Он обязан нам!

— Да, он наш сын, и мы долго пытались, чтобы он появился на свет.

— Именно поэтому он и должен нам! Мы старались ради него! Телефон — есть, одежда, крыша над головой — тоже — **ВСЁ!** У него есть при жизни всё! Нам бы такое благо в детстве, так мы бы...

— Ничего бы не изменилось! — закричала мама. — Как ты не видишь его стараний!

— Так почему он не видит наших! Так и ещё и позорит нас! — он бросил злостный взгляд на меня.

— А нахуй я его тогда рожала!

— Вот именно! Лучше бы он никогда не родился! — после этих слов, ком в горле подступил, не давая вздохнуть.

— Вот именно!

— Закрой дверь! — крикнул отец, и мама ушла.

— Я пойду, — тихо сказал я.

— Ты никуда не пойдёшь! — он взялся за ремень и быстро вытащил его из штрипок своих полосатых штанов.

Первый удар пришёлся на ноги, второй — руки, третий — спина. Но я стоял на ногах, не позволяя себе упасть. Было больно, но не физически. Распахнув руки и сделав один шаг навстречу неизбежности, я заковал отца в крепких объятиях. Я держался за него, пока град ударов бился об спину. Но в момент он оттолкнул меня, и мир вновь замедлился, как в тот раз.

Не помню, что произошло дальше. Только момент пробуждения, то, как мой братик лежал возле первого этажа кровати в нашей комнате. Я тихо поднялся и, стараясь не разбудить его, вышел из комнаты. Взглянув на часы, я понял, что проспал около шести часов. Действительно ли это был сон?

В голове крутились слова отца: «Лучше бы он никогда не родился!»

Если он меня не желает видеть, то зачем я нужен? Может проще умереть?

Быстро одевшись, я вышел на улицу.

Вечерело, прохладный ветер ласкал моё лицо. Заходящее солнце дарило последнии небу последние лучи, окрашенному в розово-фиолетовые оттенки. Листочки деревьев тихо шелестели, птицы пели. Эти звуки создавали музыку для ушей.

Я шёл по улицам, минуя миллионы ярких цветов, что стали серыми в глазах. Весь мир обесцветился: и небо, и дома, и машины, и прохожие. Красок не было. Они словно сбежали от меня и прячутся в самых отдалённых местах. И это подтверждали слова отца. Я действительно ненужный, неуклюжий, не умеющий, никудашный, ни на что не способный. Умею только ныть. Я только могу сидеть на шее родителей, имея всё, чего у них не было. Я вообще должен был родиться? Я имею право на любовь, заботу? Нет, я не имею право на них. Я не имею право даже на жизнь. А это означает только одно...

Я не заметил, как добрался до нужного дома, поднялся по лестнице и достал телефон, стоя на крыше двадцати пятиэтажки. Ветер был здесь сильным и таким тёплым. Птицы всё также пели свои песни, но вот шелеста деревьев я уже не слышал.

«Ничего не можешь! Ты позоришь нашу семью! Я деньги плачу, в конце концов! Ты на Диму своего посмотри! Нормальный парень: сильный, стойкий и непреклонный! На него посмотришь и гордость в глазах! Он человеком растёт! А ты! Ничего не стоишь! Слабый, не умеющий ни хера делать! Нахлебник!»

Прости меня Димочка за мою слабость. Прости за то, что не выполняю обещания. Прости за то, что не следую своим же словам.

Я слабый и морально и физически.

— Прикинь чё, меня в один момент не станет. И больше ты не увидишь мои тупые сообщения, меня. Ты не сможешь видеть мою рожу в школе. Во прикол будет, ха-ха-ха. — Сказал я в микрофон телефона, открыв первый попавшийся чат и не читая получателя.

Где ты? — пришло сообщение.

— Это уже не важно, — сказал я в микрофон, всхлипывая и подходя к краю крыши.

Да, понимаю, вы мне не поверите. Ведь я сейчас в Москве, а это значит — выжил. Но тогда у меня ничего другого не оставалось сделать. Звучит по детски. Но суицид был для меня единственным выходом.

Встав со скамейки, я направился дальше по набережной. Мимо меня пробежал одинокий бегун, не понимающий, почему я не сплю. Но спать не хотелось, хотелось вновь и вновь чувствовать ту ностальгию по временам, которые ненавижу.

Фонари озаряли улицу довольно ясно. Лестницы пестрили подсветкой разных цветов, а храм, располагающийся в дали, изливал из своего купола свет.

Достав телефон, я открыл камеру, навёл на ночной город и запечатлел, потом зашёл в приложение «Телефон», до листал до нужного номера и позвонил. Ответили мне быстро.

— Ало, — раздалось в трубке.

— Привет. Как ты там?

— Да... всё, вроде, нормально. Ты чего не спишь?

— Этот вопрос я должен задать тебе.

— Я на тусе был.

— А я решил прогуляться. Что делаешь?

— Лежу на кровати.

— Прости, если разбудил.

— Да нет, всё нормально.

Мы разговаривали с моим собеседником долго, около сорока минут, пока мой телефон не сообщил о двадцати процентах зарядки.

— Хочу выпить, — сказал я вслух и направился в ближайший бар.

Больше книг на сайте - Knigoed.net